

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

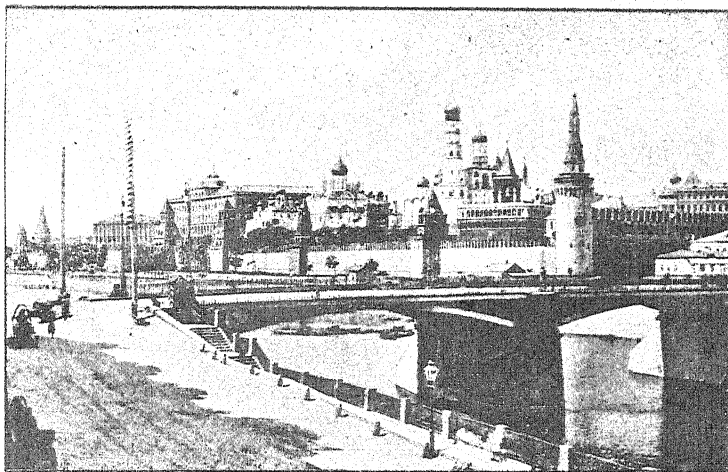
ЧТЕНІЯ

Д Л И

МОСКОВСКИХЪ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

III выпускъ.

В. Назаревскаго.



Издание Комиссии по устройству чтений для рабочихъ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1903.

146  
РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ЧТЕНІЯ

ДЛЯ

МОСКОВСКИХЪ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

III выпускъ.

В. Назаревскаго.



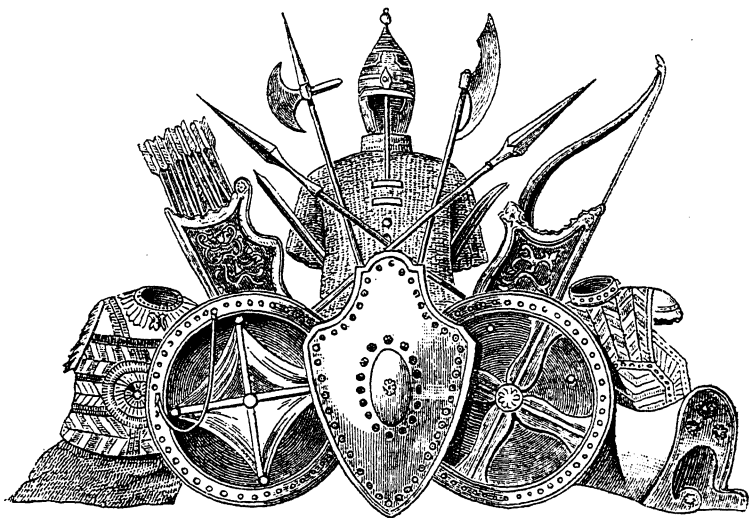
Издание Комисси по устройству чтеній для рабочихъ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1903.

Дозволено цензурою. Москва, 4 октября 1903 года.



## I.

**Т**о смерти Всеволода III наступают трудныя времена: XIII-й вѣкъ былъ необычайно тяжкимъ для нашего отечества. На Россію, въ которой лишь намѣчено было Андреемъ Боголюбскимъ единоедержавіе, полагающее конецъ гибельнымъ междоусобіямъ, двинулись со всѣхъ сторонъ враги: съ запада вторглись въ область Двины Западной нѣмецкіе рыцари — меченосцы, на сѣверѣ появились у Финскаго залива шведы, на Нѣманѣ поднялись дотолѣ покорные намъ литовцы. Но грознѣе всѣхъ ихъ были вторгшіеся изъ Азіи монголы. Раздробленной на удѣлы Россіи враги запада грозили не однимъ захватомъ ея земель, но и уничтоженіемъ ея, какъ государственно - національнаго цѣлаго, до искорененія самой души русскаго народа, — его вѣры православной. Національно - государственный духъ Россіи не допустилъ ея окончательной гибели, но онъ еще не настолько окрѣпъ, чтобы отвратить отъ



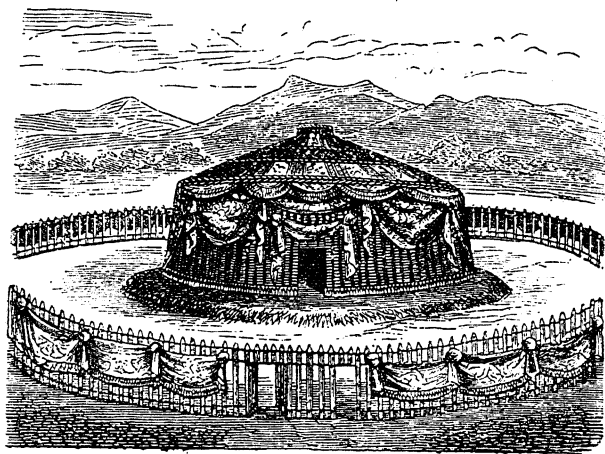
нея огромную потерю ея владѣній и спасти ее отъ двухвѣкового порабощенія, отъ тяжкаго ига монгольскаго.

Въ XIII вѣкѣ Азія приготовила для Европы грозу, подобную той, какая разразилась въ IV вѣкѣ, въ пору нашествія гунновъ. У кочевавшихъ отъ Алтая до Амура монголовъ, коихъ китайцы называли татарами, въ концѣ предшествующаго вѣка появляется подобный Атиллѣ грозный завоеватель въ лицѣ Темучина; онъ, истребивъ, или покоривъ себѣ другихъ монголо-татарскихъ хановъ, провозглашаетъ себя ханомъ надъ ханами, или Чингисъ—ханомъ. Тѣхъ, кто осмѣливались не покоряться ему, съ поразительной жестокостью истреблялъ огнемъ и мечемъ. Преданіе говоритъ, что онъ сварилъ въ кипящихъ котлахъ до 70 возставшихъ противъ него хановъ. Ему мало было того, что онъ покорилъ Китай и народы Туркестана: соединивъ подъ своею тяжкою рукою все почти желто-лицее, съ узкими глазами и выдающимися скулами племя, онъ сталъ стремиться къ покоренію другихъ не-монгольскихъ племенъ, къ всемірному владычеству. Его полчища разгромили Персію и народы Кавказа и явились въ предѣлахъ Россіи.

Первымъ разгромомъ расплатились половцы нашихъ южныхъ степей. Въ ужасѣ они прибѣжали сказать южно-русскимъ князьямъ: „сегодня взяли враги нашу землю, а завтра возьмутъ вашу,—помогите намъ“. Отзывчивѣй всѣхъ князей былъ въ то время Мстиславъ Удалой, княжившій въ Галичѣ.

Вы знаете отца его Мстислава Храбраго, столь характерно высказавшагося противъ единодержавныхъ стремленій Андрея Боголюбскаго. Онъ былъ кипучѣй своего отца и въ отличіе отъ храбраго родителя былъ прозванъ „удалымъ“. Его безпокойный духъ носилъ его изъ конца въ конецъ Россіи, изъ земли Смоленской въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Суздальскую землю, оттуда

на Русь Червонную. Прослышавъ, что владимірскій князь держитъ въ рукахъ своихъ вольно-любивый вѣчевой Новгородъ и за его непослушаніе захватилъ пригородъ его Торжокъ и мужей новгородскихъ, онъ является на вѣчѣ и говоритъ: „не быть Торжку выше Новгорода, или отыщу мужей и волости, или головой повалю за святую Софію и Великій Новгородъ“. Результатомъ его удали была побѣда надъ владимірскимъ великимъ княземъ, бесплодная однако для нашего государственнаго могущества. Не усидѣлъ онъ послѣ того и въ



Ханская ставка.

Новгородѣ, сказавъ его народу: „кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего; иду добывать Галичъ отъ венгровъ, а васъ не забуду“. Вотъ этотъ-то Мстиславъ быстро поднялся противъ монгольскихъ полчищъ. Онъ сзываетъ однихъ только юго-западныхъ князей на съѣздъ въ Кіевъ. Князья спѣшно идутъ въ походъ, напрасно убиваютъ монголо-татарскихъ пословъ, которые говорили имъ: „мы пришли противъ нашихъ холопей и конюховъ — половцевъ, а земли вашей не трогаемъ“. Черезъ десять дней похода князья доходятъ до рѣки Калки, впадающей въ Азовское море, за которой стояли силы татарскія.

Мстиславъ Удалой, понадѣявшись на свои силы и жаждая славы для себя, не свѣстился ни съ кievскимъ Мстиславомъ, съ которымъ не ладила, ни съ Мстиславомъ черниговскимъ и послалъ молодого Даниила Романовича галицкаго переправляться чрезъ Калку и переправился самъ. Данииль съ беззавѣтной отвагой врубился въ ряды татаръ и былъ раненъ въ грудь, но, не замѣчая раны, продолжалъ биться. Открыли нападеніе и половецкіе полки, но, не выдержавъ отпора татаръ, побѣжали и навалились на русскіе полки, которые еще не вступили въ бой, и произвели страшное смятеніе, что и дало перевѣсъ татарамъ. Устоять нашимъ было нельзя. Много было ихъ перебито и въ ихъ числѣ 6 князей. Мстиславъ и Данииль спаслись за Днѣпръ; а Мстиславъ кievскій, укрѣпившійся на одной горѣ, былъ окруженъ татарами. Враги коварно предложили за выкупъ выпустить русскихъ. Но лишь только они вышли изъ укрѣпленія, какъ были вѣроломно перебиты, а князей они положили на землю, навалили на нихъ доски и стали на нихъ пировать. Страдальцы были раздавлены. Татары двинулись къ Днѣпру, предавая все истребленію. Но, не доходя ста верстъ до Кіева, повернули назадъ и скрылись въ азіатскихъ степяхъ.

Повѣствуя о несчастной битвѣ на Калкѣ, лѣтописецъ говоритъ: „совершилось это съ нами за грѣхи наши; Богъ наслалъ на насъ неразуміе; людей погибло безъ числа; были вопли, стоны и печаль по всѣмъ городамъ и волостямъ. Этихъ злыхъ татаръ мы и не знаемъ. Откуда они пришли на насъ, куда дѣлись потомъ, не вѣдаемъ; только Богъ про то вѣдаетъ, да люди въ книгахъ хитрые“.

Русскіе люди стали понемногу забывать о страшномъ нашествіи, нисколько не думая о собираніи всѣхъ силъ воедино для новой защиты. Впрочемъ, въ народѣ была тревога: необычайныя явленія въ природѣ вѣщали ему

какую-то бѣду. Появилась на небѣ огромная комета въ видѣ копья; началась небывалая засуха; лѣса и болота горѣли; воздухъ переполнился дымомъ, и солнца не было видно, или оно глядѣло краснымъ, какъ кровь; зданія рушились отъ землетрясеній, былъ голодъ и моръ.

По смерти Темучина ставшій великимъ ханомъ сынъ его Угедей отправилъ племянника своего Батю для покоренія странъ на сѣверъ отъ Каспійскаго моря. Онъ переправился чрезъ Уралъ не съ войсками уже, а съ цѣлою ордой, т. е. съ татарскими семьями и всѣмъ ихъ имуществомъ. Прежде всего онъ на-

палъ на камскихъ болгаръ и разрушилъ ихъ столицу; а затѣмъ устремился на Рязань; другія княжества не прислали ей помощи. Когда татары потребовали отъ рязанскихъ князей десятины, они мужественно отвѣчали: „когда изъ насъ не останется никого въ живыхъ, возьмите все“. Рязань, несмотря на геройскую защиту, была взята, князь ея убитъ. Жена одного изъ рязанскихъ князей, Евпраксія, не желая доставаться побѣдителю, бросилась съ своимъ княжичемъ-ребенкомъ съ высокаго терема и разбилась на смерть. Когда татары выходили уже изъ этого княжества, на нихъ уда-



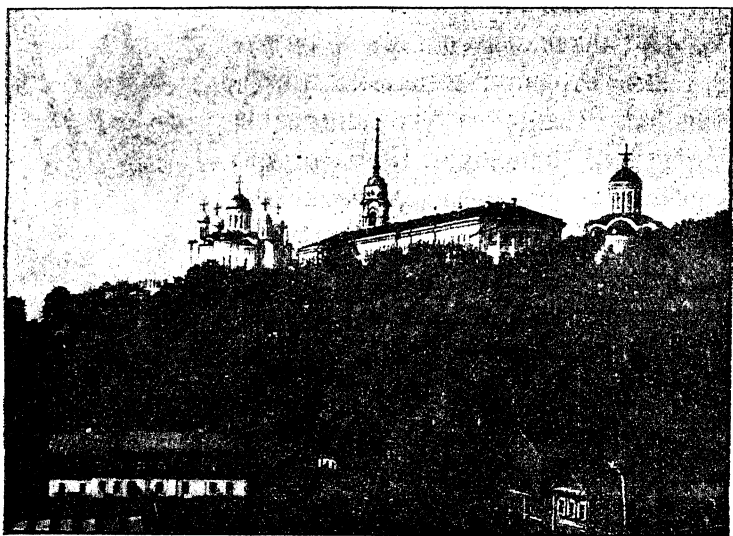
Вооруженный монголь.

рилъ съ своею дружиною возвратившійся изъ Чернигова бояринъ Евпатій Коловратъ. Долго татары не могли справиться съ этимъ богатыремъ и горстью его храбрецовъ и подумали, что то не мстятъ ли имъ воскресшіе рязанцы.

Затѣмъ Батый идетъ во владимірское княжество. Первою его жертвою здѣсь была молодая еще Москва.

Лѣтопись говоритъ: „тояже зимы (1237 года) взяша татарове Москву, а воеводу убиша Филиппа Нянька за православную хрестыянскую вѣру, князя Володимира яша руками сына Юрьева; а люди убиша отъ старца до сущаго младенца, градъ и церкви огневи предаша, и монастыри вся и села пожгоша и много имѣнія взяше отыдоша“.

Главная сила Батыева окружила первопрестольный Владиміръ. Великій князь Юрій Всеволодовичъ ушелъ изъ города собирать рати, оставивъ здѣсь двоихъ сво-



Владиміръ на Клязьмѣ.

ихъ сыновей. Татары окружили его тыномъ и стали громить стѣны „пороками“, стѣнобитными машинами. Защитники города понимали, что спасенія нѣтъ и что имъ остается только умереть. Князя и нѣкоторые бояре приняли иноческій постригъ, а жители напутствовали себя на смерть святыми тайнами. Въ воскресенье, 7 февраля, начался страшный приступъ. Татары ворвались въ золотыя ворота у рѣчки Лыбеди. Послѣ боя на

улицахъ князя отошли въ старый или Печерскій городъ, а епископъ Митрофанъ и великая княгиня съ дочерью и внуками заперлись въ Успенскомъ соборѣ на его хорахъ, или полатахъ. Ободравъ драгоценности съ иконъ, татары обложили храмъ соломою и подожгли его. Находившаяся на хорахъ княжеская семья, осѣняемая крестомъ святителя Митрофана, сгорѣла вмѣстѣ съ своими приближенными. Великій князь Юрій, узнавъ объ



Епископъ Кириллъ надъ тѣломъ в. к. Юрія на Сити.

этомъ, сказалъ: „лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ. Ради чего останусь жить?“ Онъ вступилъ съ татарами въ смертный неравный бой на рѣкѣ Сити и своей смертью не посрамилъ земли Русскія. 14 городовъ въ княжествѣ владимірскомъ татары разрушили, покосивъ, какъ траву, говорить лѣтопись, его населеніе.

Двинулись было татары на Новгородъ, но наступившая весна съ разливомъ рѣкъ заставила ихъ повернуть на югъ. На шесть недѣль задержала татаръ на

пути геройская защита Козельска. Малолѣтній князь его при взятіи города утонулъ въ крови, а враги, сравнивъ городъ съ землею, прозвали его „злымъ городомъ“. Пробывъ нѣкоторое время въ юго-восточныхъ степяхъ Россіи, татары, разгромивъ землю черниговскую, подступили въ 1240 году къ Кіеву. Ихъ полководецъ Менгу, внукъ Чингисъ-хана, залюбовался чуднымъ видомъ матери городовъ русскихъ, раскинутой на высотѣ Днѣпра, въ зелени садовъ и блиставшей золотыми крестами своихъ храмовъ. Отъ скрипа телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія коней татарскихъ, кіевляне едва могли слышать свои разговоры. Бояринъ Дмитрій, по порученію Данила Галицкаго, защищалъ городъ героически. Стѣны его были разбиты; сокрушительнымъ потокомъ ворвались татары въ Кіевъ, предавая все смерти и грабежу. За ночь кіевляне укрѣпились у Десятинной церкви. На утро и этотъ послѣдній оплотъ палъ, и весь Кіевъ обратился въ страшную груду развалинъ.

Разгромили татары Волынь и Червонную Русь, откуда Данилъ Галицкій спасся въ Венгрію, и къ ужасу Западной Европы двинулись на Венгрію, Польшу и Чехію.

Императоръ германскій Фридрихъ II Гогенштауфенъ разсылалъ грамоты въ разныя западныя государства, говоря въ нихъ: „настало время пробудиться отъ сна. Лежитъ уже сѣкира при деревѣ: по всему міру разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью всему христіанству. Давно мы слышали о страшномъ врагѣ, но считали опасность далекой, такъ какъ между врагомъ и нами столько храбрыхъ народовъ и князей. Теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство, настало время всему христіанству подняться противъ свирѣпаго врага“. На этотъ призывъ черствый западъ не далъ отклика, какъ впоследствии

остался глухъ и къ гибели Цареграда подъ ударами турокъ.

Батый, разбитый въ Чехіи близъ Голомуца славянскимъ воеводою Ярославомъ, поворотилъ назадъ и съ своими татарами основался въ степяхъ южной Россіи отъ Урала до Дона. Центромъ своей Золотой или Кипчакской орды онъ сдѣлалъ поселеніе на нижней Волгѣ, близъ нынѣшняго Царева, Сарай.

Ужасное зрѣлище представляла Россія послѣ татар-

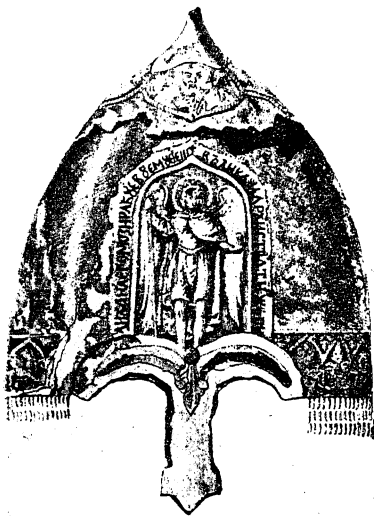


Кіево-Печерская лавра.

скаго погрома. Епископъ Владимірскій Серапіонъ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ этого говорилъ своей паствѣ: „страшно, дѣти, подпасть гнѣву Божию. Чего не навели мы на себя? Какой казни отъ Бога не воспріяли? Не плѣнена ли наша земля? Не погибли ли отцы и братья наши трупамъ на землю? Не отведены ли наши жены и дѣти въ плѣнъ? Не порабощены ли мы оставшіеся горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже къ сорока годамъ приближается наше томленіе и мѹка, а тяжкія дани съ насъ не прекращаются... И



власть хлѣба мы съѣсть не можемъ. Навель же на насъ Господь народъ немилостивый, народъ лютый, не щадящій ни юной красоты, ни старческой немощи, ни молодости дѣтей... Разрушены божественныя церкви, осквернены священные сосуды, все святое потоптано, святители стали пищею меча, тѣла преподобныхъ иноковъ брошены на съѣденіе птицамъ; кровь отцовъ и брать-



Щамень Ярослава Всеволодовича.

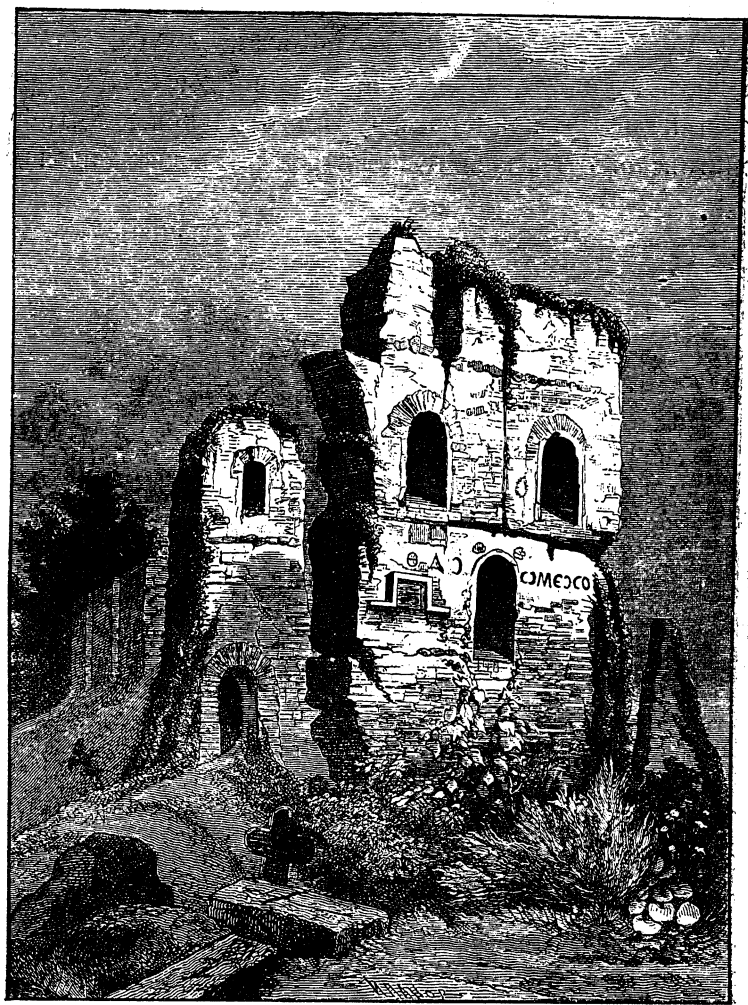
евъ нашихъ, какъ вода, обильно напоила землю; крѣпость княжескихъ воеводъ исчезла, храбрые наши въ страхъ бѣжали; села наши поросли травой, величіе наше смирилось; земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ, трудъ нашъ поганые наслѣдовали“.

Русское просвѣщеніе, давшее прекрасныя начатки въ нашей несравненной Начальной лѣтописи, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“,

въ „Поученіи Владиміра Мономаха дѣтямъ“ и проч., поникло. Мы были разобщены татарами отъ высокообразованной Византіи и не могли далѣе развивать нашей образованности, какъ народы запада. безопасные отъ азіатскихъ завоевателей потому, что они боялись оставить Россію въ тылу своемъ.

Такъ отяжелѣло надъ нашей Россіей монгольское иго. Оно выразилось въ томъ, что Батый вызывалъ къ себѣ въ орду русскихъ князей и утверждалъ ихъ своими грамотами или ярлыками на ихъ княженіяхъ и обложилъ русскихъ людей данями, не трогая однако къ счастію ни

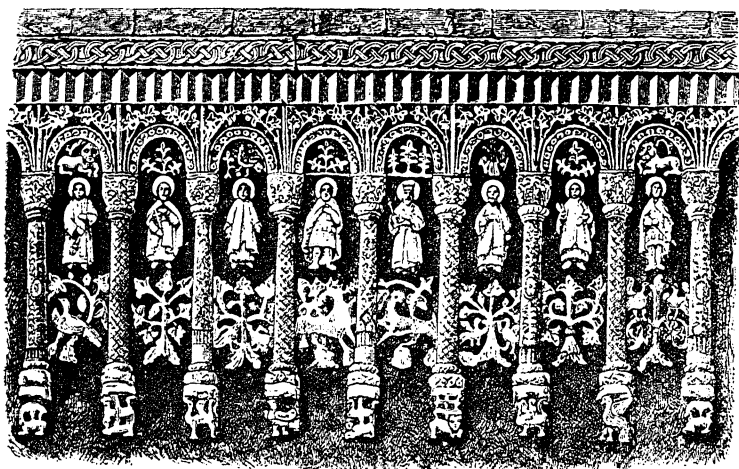
ихъ вѣры, ни устройства Руси. Первымъ былъ позванъ въ Сарай братъ убитого на Сити Юрія, Ярославъ Всеволодовичъ. Онъ, сознавая безсиліе русскихъ бороться.



Развалины Десятинной церкви.

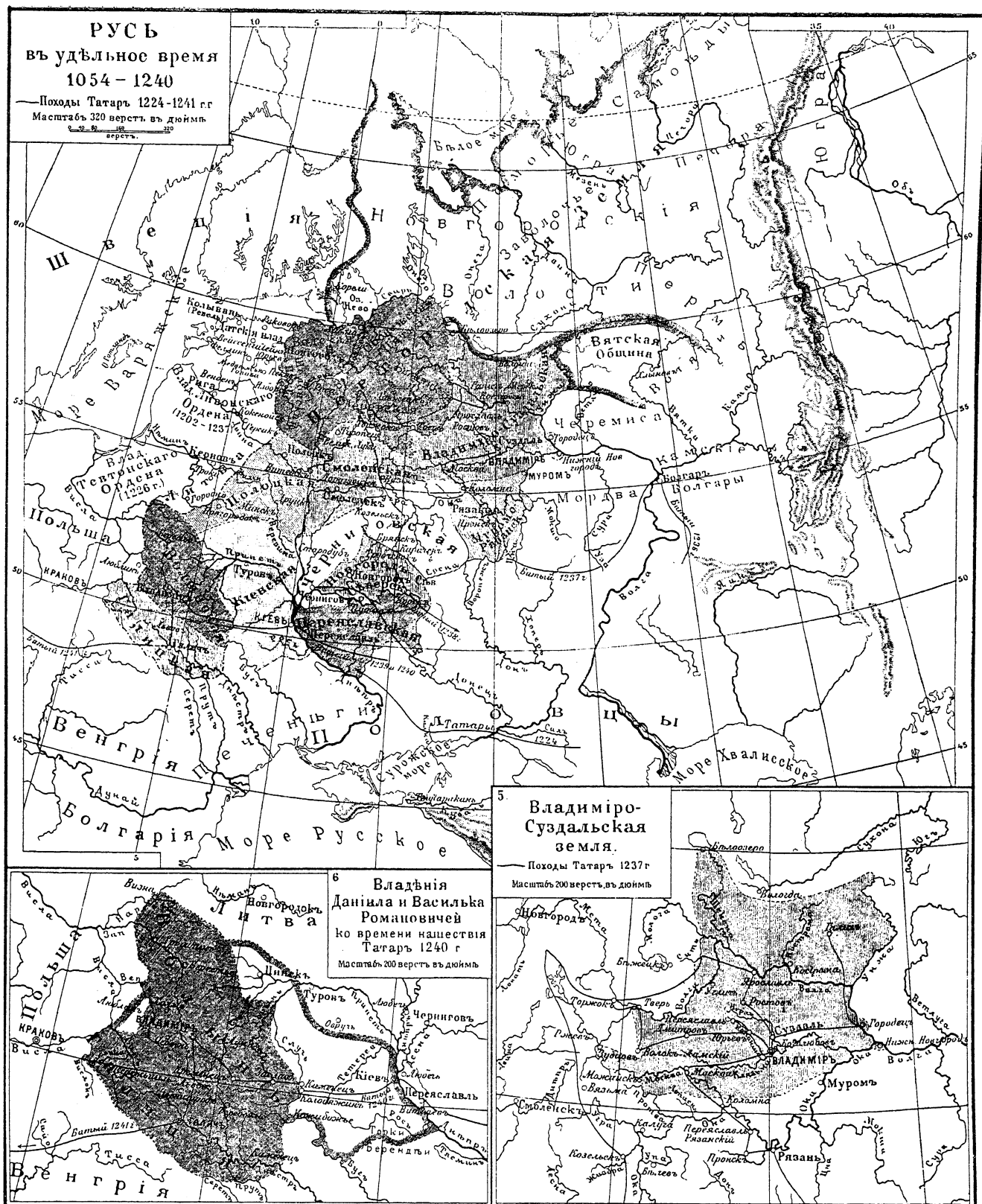
противъ азіатской силы, долженъ былъ смиренно испытать всю чашу униженія: кланяться ханскимъ приближеннымъ и задаривать ихъ, проходить между огней, кланяться

солнцу и огню, обоготворяемымъ изображеніямъ хановъ, становиться на колѣни предъ Батыемъ. Ханъ однако принялъ его благосклонно и сказалъ: „будь ты старшій между всѣми князьями Русской земли“, и послалъ его къ великому хану на поклонъ къ истокамъ Амура. На возвратномъ пути онъ умеръ. За нимъ потянулись въ орду Батия и другіе наши князья. Изъ нихъ князь Михаилъ черниговскій отказался поклониться татарскимъ идоламъ



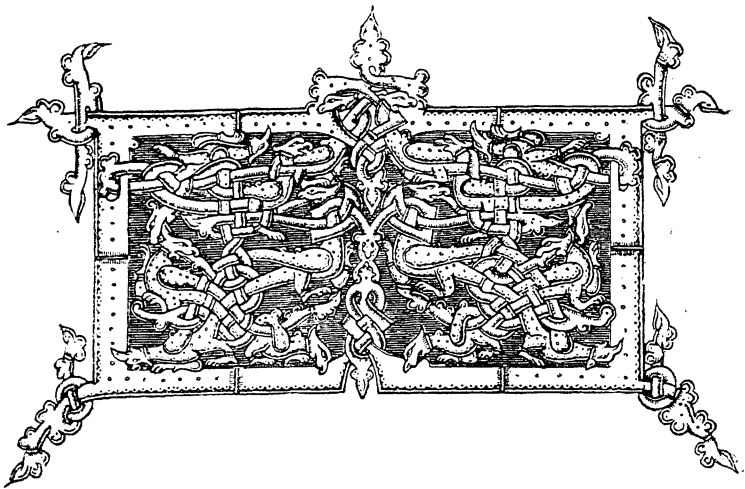
Рѣзной поясъ Дмитріевскаго собора.

и былъ замученъ въ Сараѣ вмѣстѣ съ бояриномъ своимъ Теодоромъ. Мощи ихъ были перенесены царемъ Іоанномъ Грознымъ въ Москву въ Архангельскій соборъ. Дольше всѣхъ не приходилъ въ орду князь Даніилъ Романовичъ Галицкій. Онъ льстилъ себя напрасною надеждою, что западныя государства помогутъ Россіи освободиться отъ ига монгольскаго и даже рассчитывалъ, что тамъ поднимутъ противъ нихъ крестовый походъ. Но, видя, что надежды его напрасны, онъ пришелъ наконецъ въ орду. Ханъ былъ польщенъ этимъ и сказалъ



ему: „хорошо, что ты пришелъ, а пьешь ли наше питье — кумысъ“. Данииль отвѣчалъ: „до сихъ поръ не пилъ, а велишь—пить буду“. Его очень честили татары, а когда въ Червонной Руси гордый князь рассказывалъ, какъ чествовали его, онъ плакалъ вмѣстѣ со своими слушателями. „Злѣ зла, говорить лѣтопись, показалась имъ честь татарская“.

---



## II.

**В**алицкій князь Даніиль Романовичъ не былъ на высотѣ задачъ своего времени. Выше его исторія ставитъ его святого современника Александра Ярославича Невского. Его государственные подвиги, какъ лучи солнца, озарили для Россіи мрачный XIII вѣкъ и долго въ послѣдующіе вѣка освѣщали пути нашего государственнаго дѣйствованія.

Онъ былъ человѣкъ преданій и преданій сѣверо-восточной Руси. Лѣтопись говоритъ: „Александръ не остави пути отца своего“, а отецъ его Ярославъ Всеволодовичъ шель путемъ своего родителя, а этотъ шель тѣмъ путемъ, который намѣтилъ великій князь Андрей Боголюбскій. Вы знаете этотъ путь. Это — путь сильной единодержавной власти Государя, руководящагося ничѣмъ инымъ, какъ только и единственно благомъ своего народа.

Если мы глубже всмотримся въ историческій ликъ Александра Невского, то мы увидимъ въ немъ знаменательное сочетаніе трехъ особенностей: мужества, мудро-

сти и святости. Мы восхищаемся его храбростью въ битвахъ. Но эта храбрость—не та нерасчетливая удаля, которая отличаетъ южно-русскихъ князей, и не та неукротимая воинственность, которая думаетъ писать исторію только кровью и желѣзомъ. Онъ зналъ, что исторія пишется и мирною мудростью, которая заставляетъ и героевъ смиренно преклоняться предъ непреодолимою

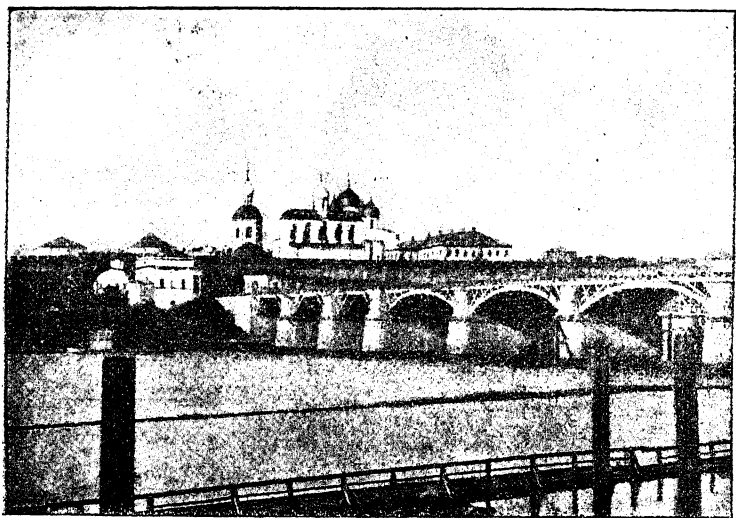


Св. Александръ Невскій.

необходимостью, — склонять предъ нею голову, чтобы дать возможность своимъ потомкамъ выпрямиться во весь ростъ. Но и мужество и мудрость Александра Невского озаряла свято-русская набожность, говорившая ему, что высшій руководитель и двигатель событий Божіе провидѣніе. „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Онъ поставляетъ предѣлы народамъ и повелѣваетъ имъ не переступать въ чужія земли“, говорилъ Александръ Ярославичъ.

Высокій ростомъ, сильный, статный, красивый, какъ Іосифъ Прекрасный, Александръ Ярославичъ поражалъ всѣхъ своею наружностью. Когда онъ говорилъ предъ войскомъ или народомъ, его голосъ, по словамъ лѣтописцевъ, гремѣлъ, какъ труба. Начальникъ (магистръ) нѣмецкаго ордена (общества) Меченосцевъ говорилъ, что онъ много земель обошелъ и видѣлъ много государей, но такого, какъ Александръ, еще не видѣлъ.

Въ удѣлъ достался ему Новгородъ, и здѣсь ему при-



Новгородъ-Софійская сторона.

шло съ отстаивать отъ враговъ запада родную землю, вѣру православную и русскую народность. Временемъ разгрома юго-восточной Руси захотѣли воспользоваться наши сосѣди, чтобы утвердиться на нашемъ сѣверо-западѣ.

Шведы задумали овладѣть землями Новгорода и подвластными ему областями финскими и здѣсь, на мѣстѣ распространившагося православія, съ благословенія римскаго папы водворить католичество. Зять короля и первый сановникъ Швеціи Биргеръ снаряжаетъ противъ русскихъ крестовый походъ, высаживается съ сильнымъ



войскомъ на берегахъ Невы и шлетъ новгородскому князю гордый вызовъ: „если можешь сопротивляйся, но знай, что я уже здѣсь и полоню твою землю“. Это было въ лѣто 1240, въ тотъ самый годъ, когда татары разрушили Кіевъ.

Шведы на своихъ корабляхъ вступили въ устье Невы и только на время бросили здѣсь, въ виду русскихъ и финскихъ поселеній, якоря, чтобы отсюда подняться вверхъ по теченію въ Ладожское озеро и изъ него Волховомъ плыть къ Новгороду. Но Александръ, сказавъ: „не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“, горячо помолился у св. Софїи и, напутствуемый благословеніемъ новгородскаго владыки, двинулся на враговъ съ небольшою, но крѣпкою духомъ ратью.

Въ день св. Равноапостольнаго князя Владиміра, 15 іюля, онъ ударилъ на шведовъ. Не ожидая такого скорого нападенія, они раскинули свои шатры на берегахъ Невы. Едва успѣли они схватить оружіе, какъ русскіе рубили ихъ мечами и топорами. Жарко разгорѣлась битва съ обѣихъ сторонъ. Одинъ изъ нашихъ витязей Гаврила Алексичъ, гонясь за бѣжавшимъ сыномъ Биргера, въ горячности, вскочилъ на конѣ по сходнѣ на шведскій корабль и хотя былъ сброшенъ въ рѣку, побилъ многихъ рыцарей-крестоносцевъ. Другой съ пѣшимъ отрядомъ потопилъ три непріятельскихъ корабля. Третій, по имени Савва, врубился въ ряды шведовъ, добрался до Биргерово шатра златоверхаго, подрубилъ столбъ, и ставка вождя крестоносцевъ рухнула на землю. Самъ Александръ набросился на Биргера и копьемъ поразилъ его въ лицо,—по словамъ сказанія о невской битвѣ,—возложилъ ему печать на лице. Побѣда была полная, и невскіе берега были устьяны тѣлами шведовъ. Еще до разсвѣта, подъ ночнымъ покровомъ, крестоносцы поспѣшили отплыть въ Швецію.

Преданіе того времени говорить о чудесной помощи свыше въ этой битвѣ за вѣру православную: старшина Ижорской области, родомъ финнъ Пелгусій, въ крещеніи Филиппъ, незадолго до битвы стоялъ ночью на стражѣ у устья Невы. Подъ утро онъ услыхалъ на возморѣ сильный шумъ и увидалъ движущуюся лодку; гребцы ея были закрыты мглою, а на ней стояли два свѣтозарныхъ витязя въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ на



Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

иконахъ изображались святыя братья—Борисъ и Глѣбъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „братъ Глѣбъ, вели грести, поможемъ нашему сроднику Александру Ярославичу“. Нѣтъ сомнѣнія, что переданное ему дивное видѣніе ободрило его духъ передъ битвой.

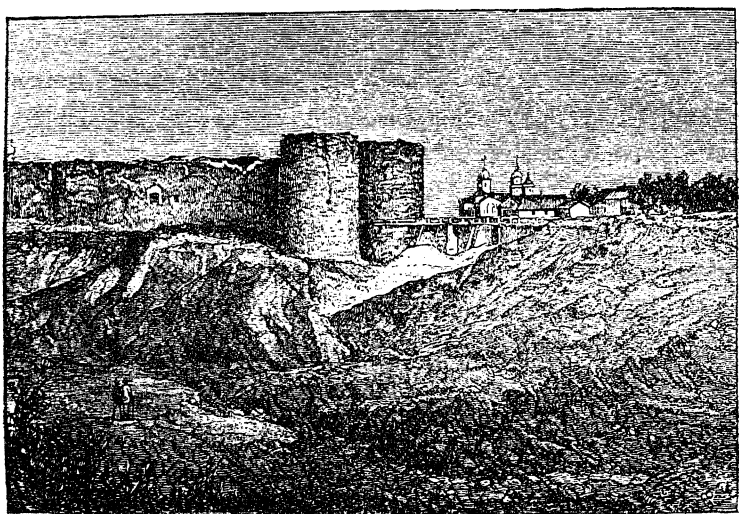
Новгородцы, какъ и всѣ русскіе люди, прославляли Александра Ярославича, какъ доблестнаго защитника православія и русской народности, и наименовали его „Невскимъ“.

Александръ Ярославичъ предпринималъ походъ въ Финляндію и здѣсь положилъ начало русскому владычеству.

Пришлось ему оборонять русскую землю на западѣ и отъ другихъ нѣмцевъ, утвердившихся въ области Западной Двины на Балтійскомъ побережьѣ, гдѣ жили латыши и эсты, нѣкогда подвластные князьямъ полоцкимъ и новгородскимъ. Еще въ XII вѣкѣ, въ пору нашего разслабленія отъ удѣльнаго многодержавія, завели здѣсь нѣмцы свою торговлю и для ея закрѣпленія стали было распространять католичество. Но туземцы не хотѣли этого. Въ началѣ XIII вѣка нѣмецкій католическій епископъ Альбертъ Буксгевденъ основалъ на устьѣ Западной Двины городъ Ригу. Но, такъ какъ католичество распространялось на этой окраинѣ Русской земли плохо, папа и нѣмцы рѣшили силою обращать здѣшнихъ язычниковъ въ католичество и для этого устроили особое общество рыцарей (орденъ) упомянутыхъ уже Меченосцевъ; они завоевали этотъ край, построили здѣсь замки и обратили жителей въ католическую вѣру. Спихватились русскіе князья, но было поздно: борьба съ могущественнымъ орденомъ была трудна. Овладевъ Ярославымъ городомъ Юрьевымъ, который былъ переименованъ по-нѣмецки въ Дерптъ, нѣмцы въ тяжелую пору монгольскаго владычества задумали завладѣть и Псковомъ и Новгородомъ. Захвативъ первый, они уже подступили ко второму и перехватывали его купцовъ. Недовольный новгородцами, Александръ Невскій раньше еще ушелъ отъ нихъ въ суздальское княжество. Но новгородцы упросили его вернуться на защиту русскихъ земель; онъ пришелъ въ новгородскую область и принялся очищать ее отъ нѣмцевъ, разогналъ ихъ отряды, отнялъ у нихъ крѣпость Копорье, освободилъ и Псковъ, а двухъ нѣмецкихъ намѣстниковъ отправилъ въ цѣпяхъ въ Новго-

родъ; самъ двинулся въ землю эстонской чуди противъ рыцарей и остановился 5 апрѣля 1241 года у Чудскаго озера; сюда пришли большими силами нѣмецкіе рыцари и на льду этого озера произошло такъ называемое „Ледовое побоище“.

Предъ битвою Невскій герой, поднявъ руки къ небу, громко взмолился: „разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокоумнымъ народомъ!“ Нѣмцы построились особымъ клинообразнымъ боевымъ порядкомъ, который у русскихъ

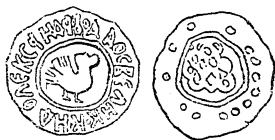


Развалины Копорья.

назывался „свиньей“, и стремительнымъ ударомъ разрѣзали надвое наше войско. Но Александръ Ярославичъ ударилъ на нихъ съ тылу. Звонъ мечей, трескъ ломавшихся копій, крики сражавшихся, стоны раненыхъ оглашали воздухъ, ледъ покрылся кровью, трещалъ и проваливался подъ тяжестью сражавшихся. Нѣмцы были разбиты на голову. Съ великимъ торжествомъ, съ хоругвями и крестами, при звонѣ колоколовъ и радостныхъ кликахъ народныхъ, встрѣчали побѣдителя

псковичи. Радостно Александръ вѣзжалъ въ городъ, а за его конемъ шли знатные, взятые въ плѣнъ, нѣмецкіе рыцари. Пораженія шведскихъ и нѣмецкихъ крестоносцевъ убѣдили папу, что силою не навязать русскимъ католичества и побудили его прислать къ Александру лстивое посольство. Но тотъ, кто защитилъ вѣру мечемъ, охранилъ ее и рѣшительнымъ словомъ: „мы сами знаемъ, сказалъ посламъ князь, ученіе Христа, а вашего ученія принимать не хотимъ“.

Доблестный князь безстрашно боролся за Русь святую съ врагами запада, но, понимая, что ей не справиться въ неравной борьбѣ съ врагами востока, покорился имъ, какъ ни было тяжело для него смиряться предъ монгольскимъ ханомъ и сдерживать русскихъ отъ гибельныхъ для нихъ возстаній противъ силы татарской. Батый велѣлъ



Монета Невскаго.

сказать герою-князю: „мнѣ покорилъ Богъ многіе народы, ты ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей? Если желаешь сберечь себѣ землю свою, приходи на поклонъ ко мнѣ и увидишь честь и славу царства моего“.

Собравъ всю силу своего самообладанія, Александръ Ярославичъ отправился въ орду и здѣсь изъявилъ покорность свою, но ханъ, уважая его доблесть, не заставлялъ его до дна пить чашу униженія и сказалъ о немъ: „все, что мнѣ говорили о немъ, правда: нѣтъ князя подобнаго этому“.

Но, когда, по волѣ хана, онъ сталъ великимъ княземъ на Руси, тяжела была для него шапка Мономаха: его

политической мудрости не понимали русскіе люди, даже его родной сынъ, когда твердою рукою онъ удерживалъ ихъ отъ возстаній противъ Золотой Орды.

Когда новый ханъ Берке приказалъ сдѣлать перепись русскаго населенія ради поголовнаго обложенія и разослалъ своихъ численниковъ, съ ихъ десятниками, сотниками и тысячниками повсюду, считавшій себя непокореннымъ татарами Новгородъ изготовился не пу-



Принятіе схимы Александромъ Невскимъ.

скасть къ себѣ татарскихъ пословъ. Но, предвидя это, съ ними прибылъ сюда самъ Александръ. Здѣсь противъ него вмѣстѣ съ новгородцами поднялся его родной сынъ Василій: отецъ долженъ былъ выгнать его отсюда, и потомъ изъ Пскова, а нѣсколькихъ новгородцевъ казнить. Съ великимъ трудомъ онъ уговорилъ вольнолюбивыхъ новгородцевъ покориться печальной необходимости. Но скоро на среднемъ поволжѣ вспыхнуло кровавое возстаніе про-

тивъ откупщиковъ податей—восточныхъ или бессерменскихъ купцовъ; они были перебиты тамъ. Грозный Берке готовился напомнить суздальской землѣ время Батыева погрома. Но многострадальный защитникъ своего народа Александръ Ярославичъ поспѣшилъ въ орду отмолить грозу и, долго пробывъ тамъ, смягчилъ наконецъ хана. На возвратномъ пути онъ, истощенный, очевидно, чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ, скончался 14 ноября 1263 года, въ Городцѣ на Волгѣ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ принялъ здѣсь иноческое постриженіе съ именемъ Алексія. Окружающіе его плакали и говорили: „дѣти не получаютъ столько добра отъ родителей, сколько мы приняли отъ тебя“. Умиравшій просилъ—„не сокрушать его души жалостью“—и, причастившись св. таинъ, скончался. Когда вѣсть объ этомъ достигла Владиміра, митрополитъ Кирилль служилъ въ соборѣ. Владыка вышелъ къ народу и, заливаясь слезами, сказалъ: „чада мои милыя, знайте, — закатилось солнце Земли Русской!... Благовѣрный князь великій преставился!“ Церковь огласилась рыданіями народа. Лѣтопись говоритъ: „много потрудился онъ за Землю Русскую, за Новгородъ, за Псковъ, за все великое княженіе, отдавая животъ свой и за вѣру православную“.

Государственныя преданія и завѣты св. Александра Невского текли въ нашей исторіи двумя потоками: одинъ чрезъ его сына—основателя московскаго княжества, св. Данила Александровича, шель къ московскимъ собирателямъ Руси—великимъ ея князьямъ и царямъ. Другой чрезъ Петра Великаго къ ея императорамъ. Петръ I, послѣ побѣды своей надъ шведами на Невѣ, строить столицу свою Петербургъ на мѣстѣ бранныхъ подвиговъ Александра Ярославича, а въ ней монастырь, названный Александроневскою Лаврою. Съ торжествомъ переносить онъ сюда

изъ Владиміра на Клязьмѣ его моши. Екатерина Великая строить здѣсь величественный соборъ и даетъ имя Св. Александра Невского своему старшему изъ внуковъ, тому будущему императору, которому предназначено было

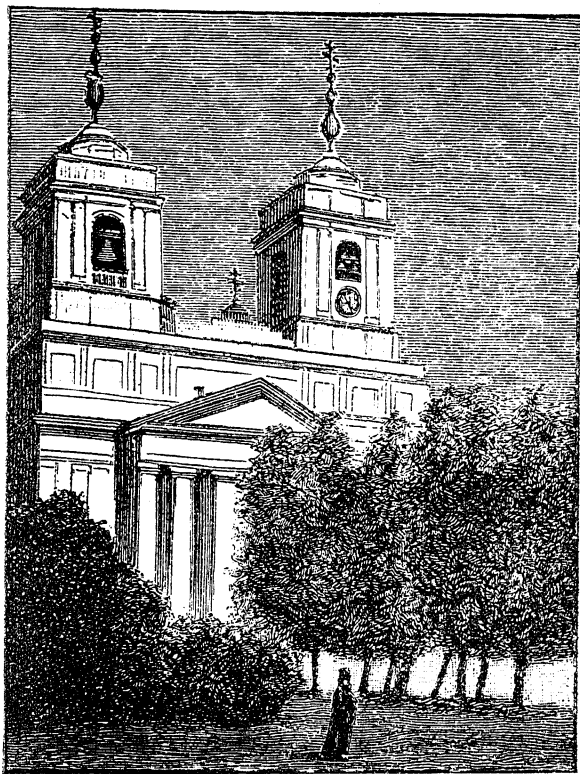


Св. Александръ. (По Строгановскому подлиннику).

Провидѣніемъ бороться не съ двумя уже народами запада, а съ двадцатью. Другой внукъ Екатерины, Николай Павловичъ, вспоминая и иноческое имя Невского— „Алексѣй“ и княжеское— „Александръ“, въ Москвѣ у раки Святителя



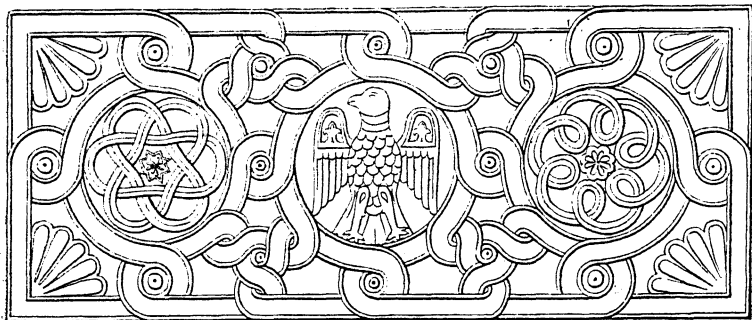
Алексѣя въ Чудовѣ монастырѣ нарекаетъ имя своему старшему сыну, будущему Царю-Освободителю Александру, а онъ даетъ своему сыну будущему Царю-Миро-



Соборъ Невской лавры.

творцу тоже великое имя. Такъ чтить память и преданія Александра Невского и Русь Царская и Русь Императорская.

---



### III.

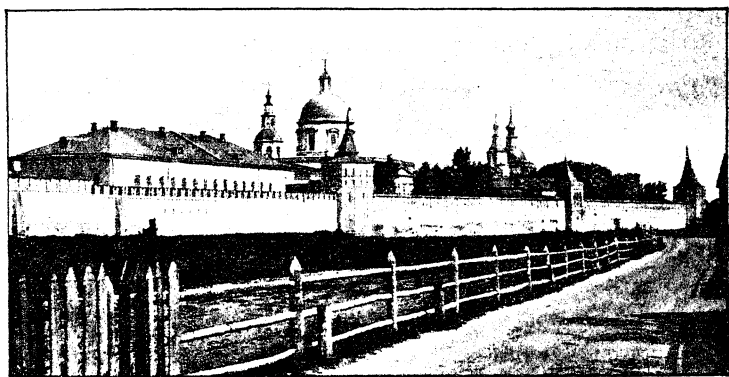


в. Александръ Ярославичъ Невскій предъ кончиною своею назначилъ въ удѣль Москву своему младшему сыну малолѣтнему Даниилу Александровичу, и онъ сталъ первымъ постояннымъ московскимъ княземъ,—основателемъ удѣльнаго московскаго княжества и родоначальникомъ московскихъ князей—собирателей Руси.

Лѣтопись, какъ вы знаете, говоритъ о святомъ Александрѣ Невскомъ, что онъ „не остави пути отца своего“. Такъ и Даниилъ Александровичъ слѣдовалъ путемъ своего родителя и, какъ святое преданіе, завѣщалъ своимъ потомкамъ, чтобы они слѣдовали завѣтамъ родительскимъ. Сегодня вы узнаете также, что и его преемники московскіе князья, въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, заповѣдывали своимъ сыновьямъ заботиться, „чтобы не престала память родителей ихъ, чтобы свѣча ихъ преданій не погасла“. Въ этомъ храненіи преданій заключалась великая сила Москвы, не только не давшая ей

погибнуть въ тяжкую эпоху ига монгольскаго, но и помогшая ей создать изъ раздробленныхъ княжествъ могучее Царство Русское.

Вы знаете, что завѣтный путь къ этому былъ намѣченъ въ сѣверо-восточной Руси первымъ великорусскимъ княземъ св. Андреемъ Боголюбскимъ и что это—путь единодержавія и мощной власти князя-государя, путь преданности церкви православной. Вы знаете также, какъ Александръ Невскій честно и грозно проявлялъ эту свою власть и предъ князьями удѣльными и предъ



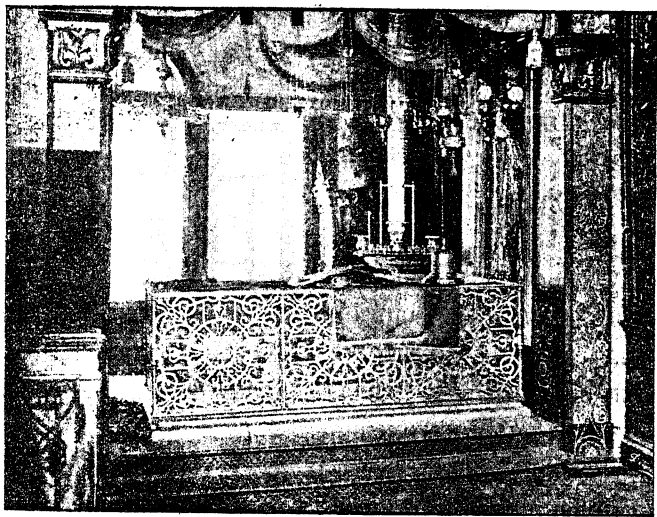
Даниловъ монастырь.

вѣчевыми городами и предъ врагами западными: предъ шведами, рижскими нѣмцами и литвою. Но это „солнце Земли Русскія“ смиренно лучи свои потаило предъ неравною силою монгольской, конечно, не для того, чтобы вѣки-вѣчные сгибать намъ спину предъ нею, а для того, чтобы со временемъ собрать русскія силы воедино и сбросить съ Руси чужое иго.

Сыну Невского достался въ удѣль „малъ древянъ городъ“ Москва съ ея небольшою областю. Но и въ этихъ

узкихъ предѣлахъ онъ такъ хорошо исполнялъ завѣтное русское дѣло, что его сыновья Юрій и Іоаннъ уже могли стать великими князьями и дать Москвѣ силу все-россійскаго притяженія. Даніиль мудро воздерживался отъ кипѣвшихъ и тогда междоусобій и старался жить въ ладу съ князьями — родичами. Онъ снискалъ такую любовь князя Переяславля-Залѣскаго Ивана Дмитріевича, что тотъ завѣщалъ ему свой богатый городъ и его область; а населеніе ея было такъ предано московскому князю, что когда этимъ удѣломъ силой овладѣлъ князь Андрей городецкій, народъ изгналъ отсюда его намѣстниковъ и, боясь ихъ возврата, не отпускалъ отъ себя сына Даніилова Юрія даже на похороны его отца. Но Даніиль не увлекся тѣмъ, что княжество переяславское было богаче Москвы, онъ не покинулъ ради Переяславля своей отчины московской. Удвоивъ такимъ образомъ свои владѣнія, Даніиль примыслилъ къ Москвѣ и еще не мало другихъ населенныхъ земель на югъ и востокъ. Единственную войну велъ онъ съ безпокойными рязанскими князьями: онъ бился съ ними въ ихъ предѣлахъ и „изымалъ тамъ князя Константина и держалъ его въ плѣну въ Москвѣ, но въ береженіи и въ чести всякой“ и хотѣлъ даже отпустить его въ вотчину его. Въ предѣлахъ зажиточнаго московскаго княжества царила въ то время тишина. О немъ можно было сказать, какъ нѣкогда говорилъ Андрей Боголюбскій о всемъ владимірскомъ княжествѣ: „ту есть покойнѣ“. Вслѣдствіе этого уже теперь начались переселенія въ Москву изъ разныхъ княжествъ. Такъ, отъ Андрея городецкаго переселился въ Москву съ своимъ родомъ и людьми бояринъ Акинѣй; а вотъ и другой примѣръ: нѣкто отъ сильныхъ бояръ черниговскихъ именемъ Ѳеодоръ (Бяконтъ) съ женой своей Маріей пере-

селился въ градъ Москву, идѣже скипетродержавствова  
Даніиль Александровичъ. Съ великимъ радушіемъ при  
нять былъ московскимъ княземъ этотъ боярскій родъ  
Когда у Θεодора и Маріи родился сынъ, названный  
Елевѣріемъ, Даніиль Александровичъ далъ боярину въ  
кумовья своего еще несовершеннолѣтняго сына Іоанна,  
впослѣдствіи названнаго Калитой; а изъ крестника Ка  
литы выросъ великій и святой митрополитъ Алексѣй,



Рѣка Св. Даніила.

сдѣлавшій такъ много для возвеличенія Москвы и всего  
княжескаго рода Даніила. Онъ, какъ и его отецъ, отли  
чался глубокой набожностью и усердіемъ къ церкви.  
Но ни лѣтописныя записи того времени, ни записанныя  
послѣ устныя преданія не исчисляють построенныхъ  
имъ въ Москвѣ храмовъ, приписывая ему основаніе  
лишь двухъ монастырей — Даниловскаго и Богоявлен-

скаго. Домовая монастырская книга этого послѣдняго (XVII вѣка) говоритъ, что сія пречестная обитель (съ деревяннымъ храмомъ Богоявленія и придѣломъ Благосвѣщенія и монашескими кельями) была построена при Даниилѣ Александровичѣ. Однимъ изъ первыхъ игуменовъ этой обители былъ Стефанъ, родной братъ преподобнаго Сергія, и здѣсь принялъ иноческій постригъ и монашествовалъ св. Алексій митрополитъ. Еще ранѣе, въ честь своего ангела, Даниилъ построилъ за Москвой-рѣкой Даниловъ монастырь и велѣлъ похоронить себя въ немъ не въ храмѣ, а на кладбищѣ въ числѣ братіи. Отъ юныхъ дней онъ почти не разлучался съ своей Москвой и скончался въ 1303 году, 42 лѣтъ отъ роду. Предъ кончиной онъ принялъ схиму и сдѣлалъ предсмертное посхимленіе обычаемъ и московскихъ князей. Сынъ его Іоаннъ Калита перевелъ монаховъ Данилова монастыря въ Кремль въ придворный монастырь Спаса на Бору. Могила основателя московскаго княжества было затерялась. Но при Іоаннѣ III самъ св. Даниилъ напомнилъ о ней особымъ видѣніемъ одному изъ свиты государя, назвавъ себя „хозяиномъ мѣста сего“. Іоаннъ IV построилъ здѣсь храмъ и возстановилъ монастырь, а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ 250 лѣтъ тому назадъ обрѣтены были мощи св. Даниила. Но вамъ, участвовавшимъ на Пасхѣ въ крестномъ ходѣ изъ Кремля, въ память шестисотлѣтія съ кончины св. Даниила (1303—1903), по всей вѣроятности, извѣстны эти обстоятельства.

Старшій сынъ его Юрій Даниловичъ, мало жившій, впрочемъ, въ Москвѣ, не походилъ по своему характеру ни на дѣда своего, ни на отца. На его памяти лежатъ кровавыя дѣла, за кои онъ заплатилъ однако своею кровавою же смертію. Но это не можетъ изгладить того, что онъ сдѣлалъ для Москвы: онъ еще боль-

ше расширилъ предѣлы ея княжества и первый вывелъ ее на степень великокняженія. Въ дѣлѣ собиранія земель вокругъ Москвы онъ памятенъ тѣмъ, что присоединилъ къ ея владѣніямъ отнятую у рязанскихъ князей Коломну, а отъ смоленскихъ — Можайскъ; онъ именно овладѣлъ для своего княжества всѣмъ теченіемъ Москвы-рѣки, потому что Можайскъ лежитъ на верховьяхъ этой рѣки, а Коломна при ея впаденіи въ Оку, Москва же расположена на ея среднемъ теченіи.

Опираясь на такія владѣнія, да еще на денежные силы Великаго Новгорода, Юрій рѣшается вступить въ соперничество съ болѣе могущественнымъ тверскимъ княжествомъ, чтобы отнять у тамошняго князя Михаила Ярославича великое княженіе владимірское. Этого онъ достигаетъ при помощи татаръ, коими пользуется не такъ безукоризненно, какъ пользовался дѣдъ его Александръ Невскій и не такъ осторожно, какъ братъ его Іоаннъ Даниловичъ. Но что же дѣлать? За свою неправду въ этихъ дѣйствіяхъ онъ и расплатился трагическою смертію, которая до нѣкоторой степени была для него искупленіемъ.

Ханъ Тохта отдалъ великое княженіе владимірское тверскому князю, потому что онъ въ то время былъ богаче Юрія московскаго и заплатилъ татарамъ больше его. Изъ-за этой неудачи Юрій враждовалъ противъ великаго князя и завладѣлъ даже Новгородомъ, изгнавъ оттуда тверскихъ намѣстниковъ. Съ помощью новгородскихъ денегъ и своей ловкости Юрій добился благоволенія новаго хана Узбека, женился на его сестрѣ Кончакѣ (въ крещеніи Агаѳи) и получилъ титулъ великокняжескій. Возвратившись изъ орды, въ сопровожденіи посла Кавгады и татарскихъ войскъ, Юрій началъ войну съ Михаиломъ, но потерпѣлъ отъ него сильное пораженіе въ 40 верстахъ отъ Твери и бѣжалъ въ Нов-

городъ. Въ числѣ плѣнныхъ тверскому князю достались Кончака и Кавгадый. Когда она умерла въ плѣну, распространилась неосновательная молва, будто она отравлена. Поддерживаемый злымъ Кавгадыемъ, Юрій воспользовался этимъ и самъ сталъ обвинять своего соперника въ отравленіи своей жены. Тотъ былъ вызванъ въ орду и убитъ близъ Дербента во время охоты Узбека. Благочестивый и неповинный князь Михаилъ былъ причтенъ церковью къ лику святыхъ мучениковъ, а Юрій за это кровавое дѣло былъ убитъ на глазахъ хана сыномъ тверского князя Димитріемъ Михайловичемъ, по прозванію „Грозныя очи“; въ свою очередь этотъ за убійство тоже былъ лишенъ жизни татарами.

Юрій памятенъ еще въ Русской Исторіи и тѣмъ, что онъ, княжа въ Новгородѣ, по примѣру св. Александра Невского энергически боролся со шведами, рижскими нѣмцами и литовцами. Борясь со шведами на Невѣ, Юрій построилъ при ея истокѣ изъ Ладожскаго озера на Орѣховомъ островѣ городъ Орѣшекъ—Шлиссельбургъ (1323 года), который, какъ вы знаете, 200 лѣтъ тому назадъ отвоеванъ былъ у шведовъ Петромъ I и недавно праздновалъ двухсотлѣтіе своего воссоединенія съ Россіей. Юрій мало жилъ въ Москвѣ, оставляя ее все время въ управленіи своего брата Іоанна Калиты, болѣе схожаго съ отцемъ его Данииломъ.

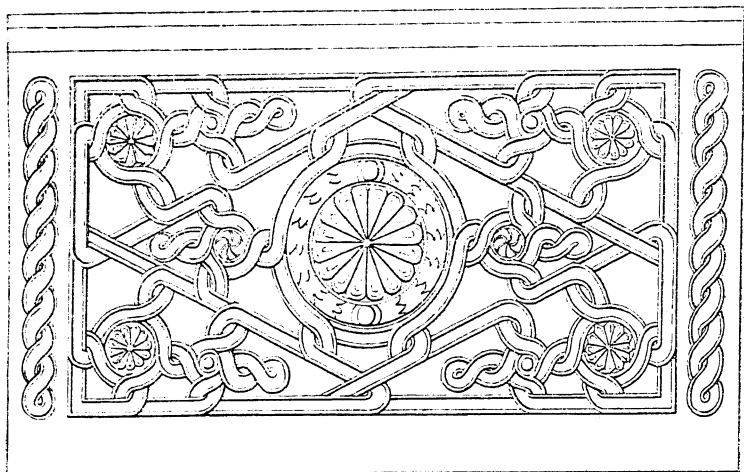
Примѣчательно однако отношеніе тогдашней Москвы къ двумъ павшимъ соперникамъ св. Михаилу тверскому и Юрію Даниловичу по ихъ смерти. Тѣло тверского страдальца было съ подобающими почестями погребено въ Москвѣ у Спаса на Бору, а затѣмъ по просьбѣ тверичей отпущено было „въ ихъ стольный городъ, на что былъ умоленъ“ ими самъ Юрій.

Самъ св. митрополитъ Петръ утѣшалъ Іоанна Дани-




ловича, когда тотъ оплакивалъ смерть своего брата и устроилъ Юрію Даниловичу торжественныя похороны, кои совершилъ въ сослуженіи владыкъ новгородскаго Моисея, ростовскаго Прохора, рязанскаго Григорія и тверскаго Варсанофія. Заслуживаетъ вниманія, что этотъ послѣдній, преданный св. Михаилу и его семьѣ, не уклонился отъ этихъ похоронъ.

---



#### IV.

рцать Юрія Іоаннъ Даниловичъ Калита, въ то самое время, какъ тотъ наполнялъ шумомъ своей дѣятельности и всю Русь, и орду, и даже западныя государства, тихо сидѣлъ въ Москвѣ и безшумно готовилъ новое теченіе событій на пользу Москвы и Россіи.

Если Юрій поднималъ молодую Москву на степень великокняженія, то Іоаннъ Даниловичъ сдѣлалъ великокняжеское достоинство наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ и самому этому достоинству придалъ собирающую Русь, силу единодержавную. Онъ намѣтилъ основы политики московскихъ князей, собирателей Руси.

Это любопытнѣйшій типъ князя XIV вѣка, носящій на себѣ великорусскія черты съ прибавленіемъ къ нимъ чисто московскихъ видоизмѣненій.

Эти видоизмѣненія сводились къ преобладанію разсудка надъ чувствомъ, головы надъ сердцемъ и къ настойчивой послѣдовательности дѣйствій.

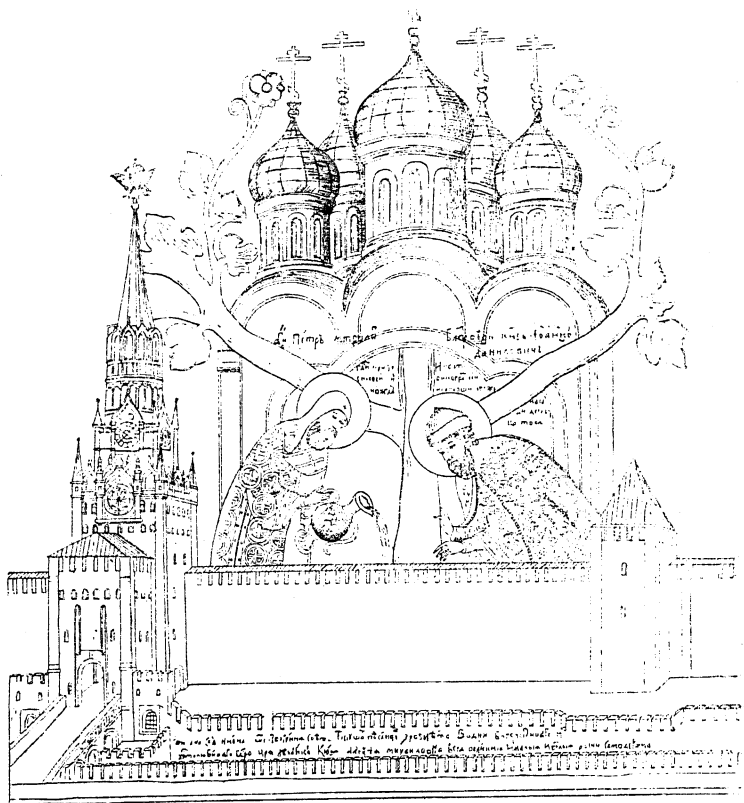
Ясный и дальновидный разсудокъ говорилъ Іоанну, что положеніе Руси при немъ стало еще труднѣе. Въ его время она могла быть раздавлена не одною ордою, а и Литвою, которая уже объединилась подъ властью

Гедими́на въ могущественное государство и овладѣла безъ сопротивленія разоренною Малою и Бѣлою Русью. Гедиминъ величалъ себя великимъ княземъ не только литовскимъ, но и русскимъ. Онъ заводилъ уже связи и въ восточной Руси: въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери и другихъ мѣстахъ. Иоаннъ зналъ, что въ это время рисковать судьбою отечества громкими предпріятіями крайне неосторожно, что, напротивъ, нужно копить и собирать силы воедино, какъ можно скорѣе и какъ можно незамѣтно. Рѣшенія этой трудной политической задачи онъ добивался и тѣми средствами, коими пользовались Андрей Боголюбскій и Александръ Невскій, и нѣкоторыми новыми. Новые средства заключаются въ новомъ энергическомъ содѣйствіи Москвѣ первосвятителей Русской церкви—всероссійскихъ митрополитовъ св. Петра и Теогноста, въ употребленіи скопленныхъ въ Москвѣ богатствъ на ея благо и всея Россіи, въ особо искусныхъ отношеніяхъ къ Золотой ордѣ.

Но прежде посмотримъ, какихъ результатовъ добился Иоаннъ Даниловичъ и что онъ оставилъ своимъ дѣтямъ? Онъ такъ продвинулъ собираніе Руси вокругъ Москвы, что его преемникамъ оставалось только надстраивать на прочно положенномъ имъ фундаментѣ созидавшееся зданіе. Онъ не только сдѣлался великимъ княземъ владимірскимъ, но подъ конецъ своей жизни именовался, чего не было до него, великимъ княземъ всея Руси и умеръ въ увѣренности, что церковь и народъ сочувствуютъ крѣпко его идеѣ и что ханъ Золотой орды не будетъ противиться этому, напротивъ, станетъ поддерживать московскихъ князей въ этомъ направленіи. Самыя владѣнія московскихъ княжествъ были значительно расширены, и Москва стала самымъ выдающимся политическимъ, церковнымъ и экономическимъ центромъ всей Россіи.

Всѣми средствами Иоаннъ старался расширить предѣлы своего княжества. Къ тому, что примыслили къ

Москвѣ его отецъ и братъ, (т. е. къ Переяславлѣ, Можайску, Коломнѣ и области Владиміра Залѣскаго), онъ присоединилъ еще Звенигородъ, Серпуховъ, Рузу, съ



Св. Петръ и Іоаннъ Калита. (Съ иконы Симона Ушакова \*).

ихъ уѣздами. Въ нихъ находились 51 сельская волость и 42 дворцовыхъ села. Такъ было къ тому времени,

\*) Изображенія св. Петра и Іоанна Калиты сняты съ иконы Владимірской Божіей Матери, находящейся въ церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ и писанной Симономъ Ушаковымъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. На ней оба историческіе дѣятели представлены у аллегорическаго дерева, выросшаго въ Успенскомъ соборѣ; въ срединѣ вѣтвей древесныхъ стоитъ самая икона Владимірской Богоматери. На боковыхъ вѣтвяхъ въ медальонахъ изображены московскіе святые и въ ихъ числѣ царевичъ Димитрій, царь Теодоръ, патріархъ Филаретъ Никитичъ и проч. Внизу иконы сдѣланы портреты царя Алексѣя Михайловича и дарицы Маріи Ильиничны. Это—одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній знаменитаго московскаго художника.

когда онъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе владимірское въ 1328 году. Но въ рукахъ его была скоплена и большая денежная сила: онъ выдѣлялся изъ ряда другихъ князей еще и капиталомъ, вслѣдствіе чего и названъ былъ Калитою или кошелькомъ съ деньгами, и эту силу онъ направилъ на благо своей родины. Тогдашнія тяжкія условія заставляли землевладѣльцевъ продавать свои вотчины. Вслѣдствіе усиленнаго предложенія



Успенскій соборъ.

земли были дешевы. Калита, владѣя значительными капиталами, сталъ покупать земли у князей, бояръ, монастырей и другихъ землевладѣльцевъ. Такъ онъ купилъ три цѣлыхъ удѣльныхъ княжества: Угличъ, Бѣлозерскъ и Галичъ Мерскій и кромѣ того покупалъ и отдѣльныя села и слободы въ другихъ княжествахъ: новгородскомъ, костромскомъ и нижегородскомъ и т. д., и эти владѣнія московскаго князя были, такъ сказать, вкраплены въ чужихъ владѣніяхъ и становились въ нихъ пунктами

тяготѣнія къ Москвѣ. Его примѣру слѣдовали его преемники, незамѣтно собирая въ однѣхъ рукахъ огромныя земельныя владѣнія. Если Калита владѣлъ всего 500 квадратными милями земель, то уже чрезъ 30 лѣтъ московскій князь владѣлъ 15,000 квадратныхъ миль.

Собравъ такія земли и получивъ и великокняжеское первенство среди другихъ князей, московскій князь первый началъ выводить русскій народъ изъ того уни-



Архангельскій соборъ.

нія, въ какое повергло его монгольское иго. Онъ далъ почувствовать благотворность своей политики, кромѣ Москвы, и другимъ частямъ Руси: этимъ онъ придавалъ себѣ общенациональное значеніе. Лѣтописецъ того времени съ удареніемъ отмѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Калита получилъ отъ хана великокняжеское достоинство, Русь начала отдыхать отъ постоянныхъ погромовъ, какіе до него терпѣла. Разсказывая о возвра-

щеніи Калиты отъ хана въ 1328 году, лѣтописецъ замѣчаетъ: „бысть оттолѣ тишина великая по всей Русской землѣ на сорокъ лѣтъ, и престаша татарове воевати Русскую землю“. Въ своемъ же московскомъ княжествѣ онъ уничтожилъ и внутренніе безпорядки. Лѣтопись говоритъ: „злодѣйственныхъ хищниковъ и татьбѹ содѣвающихъ упраздни отъ земли своей“; значитъ, онъ завелъ у себя строгій судъ и хорошую администрацію. Тутъ еще „покойнѣ стало“. Понятно, что при Калитѣ въ Москву потянулось еще болѣе переселенцевъ, чѣмъ при отцѣ его Данилѣ. Такъ изъ кіевскаго приднѣпровья, которое переходило теперь подъ власть Литвы, пришелъ къ нему на службу большой бояринъ Родіонъ Нестеровичъ, съ княжатами, боярскими дѣтьми и дворомъ, въ числѣ 1800 человекъ. Отъ Прусь пришелъ тоже богатый бояринъ Андрей, ставшій родоначальникомъ бояръ Романовыхъ. Изъ орды прибылъ Мурза Четъ, положившій начало роду Годуновыхъ. Изъ Твери много перешло дворянъ Михаила Ярославича. Всѣ они со старыми московскими боярами сплотились крѣпко вокругъ Іоанна и помогали ему въ собираніи и укрѣпленіи Руси.

Но особое значеніе имѣетъ переселеніе въ Москву митрополита всея Руси св. Петра. Конечно, этотъ святитель могъ избрать Москву для своего жительства по ея срединному положенію во всероссійской митрополіи, потому что она лежала въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ всѣхъ ея предѣловъ. Но онъ могъ выбрать и другой подобный срединный городъ. Хорошо было для первосвятителя и то, что въ Москвѣ „покойнѣ есть“. Влекло его сюда и личное расположеніе къ Іоанну, съ которымъ онъ познакомился еще въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, когда тамъ былъ соборъ епископовъ, по клеветническимъ обвиненіямъ на святителя, возведеннымъ на него тверскимъ епископомъ Андреемъ. Но не эти однѣ причины

влекли святого прозорливца въ Москву къ Іоанну. Степенная книга царскаго родословія говоритъ, что чудотворецъ Петръ зѣло отъ души возлюбилъ Іоанна Даниловича и указываетъ именно на то, что онъ внималъ его ученію, почему первосвятитель часто бесѣдовалъ и мудрствовалъ съ нимъ. Изъ этого видно, что митрополитъ Петръ былъ однихъ церковно - государственныхъ воззрѣній съ московскимъ княземъ и во имя этого важнаго единомыслія рѣшился сдѣлать Москву церковною столицей всея Руси. Это производило сильное нравственное и церковно-государственное впечатлѣніе во всѣхъ концахъ Россіи на народъ, который сталъ съ довѣріемъ думать, что всѣ дѣйствія московскаго князя совершаются съ благословенія первосвятителя Русской церкви. Слѣдъ этого впечатлѣнія замѣтенъ въ разсказѣ лѣтописца, который замѣчаетъ: „инымъ же многимъ княземъ не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяще въ себѣ живуща“.

Примѣчательно, что святитель Петръ поселился въ Москвѣ у Іоанна Даниловича, когда онъ былъ еще удѣльнымъ княземъ и за два года до полученія имъ великокняжескаго достоинства сталъ уговаривать его построить въ Москвѣ, подобный владимірскому, всероссійскій Успенскій соборъ. Прозорливый старецъ, очевидно, торопился, не выждавъ окончательно политическаго возвышенія Калиты, передать Москвѣ отъ Владиміра значеніе церковной столицы Россіи.

Убѣждая построить въ Москвѣ храмъ Пречистыя, св. Петръ говорилъ Іоанну Даниловичу: „если, сыне, послушаешь меня, то самъ прославишься паче всѣхъ князей, и градъ сей возвеличится надъ всѣми русскими городами; святители (всероссійскіе) будутъ обитать въ немъ; и руки его въздуть на плеча враговъ его; также и мои кости будутъ положены въ немъ“. Іоаннъ безъ промедленія, съ необычайною быстротою, началъ стро-



ить этотъ соборъ. Святитель близъ алтаря его своими руками заложилъ себѣ могилу, но не дожилъ до окончанія постройки, спѣшно законченной въ теченіе одного 1327 года.

Въ день своей кончины онъ служилъ литургію, поучалъ народъ и раздавалъ милостыню. Почувствовавъ



Св. Петръ закладываетъ себѣ могилу. (Съ древней иконы).

приближеніе смерти, онъ послалъ за московскимъ тысяцкимъ Протасіемъ, такъ какъ Іоанна Даниловича не было въ Москвѣ, и сказалъ ему: „чадо, я отхожу отъ житія сего; оставляю сыну своему возлюбленному Ивану милость, миръ и благословеніе отъ Бога, ему и племени

его до вѣка. За то, что сынъ мой меня успокоилъ, воздастъ ему Господь сторицею“. Степенная книга рассказываетъ, что за нѣсколько времени до кончины св. Петра Іоаннъ Даниловичъ, проѣзжая берегомъ рѣки Неглинной, мимо Высоцкой слободы, принадлежавшей, по преданію, боярину Кучкѣ, внезапно увидалъ тамъ высокую гору, покрытую снѣгомъ, который вдругъ растаялъ, а затѣмъ исчезла и гора. Князь рассказалъ объ этомъ видѣніи митрополиту и услыхалъ отъ него объясненіе: „гора высокая это—ты, князь, а снѣгъ — я смиренный. Мнѣ



Выносъ мошей Св. Петра. (Съ древней иконы).

прежде тебя должно отойти изъ сей жизни“. Въ память этого на мѣстѣ видѣнія Калита построилъ храмъ Боголюбской Божіей Матери, сдѣлавшійся основнымъ храмомъ Высоко-Петровскаго монастыря. Св. Петръ построилъ въ Кремлѣ свой митрополичій дворъ при церкви Іоанна Предтечи, подъ Боромъ, которая была его временнымъ кафедральнымъ храмомъ. При возобновленіи его, послѣ погрома 1812 года, здѣсь открыты были слѣды деревяннаго дубоваго зданія, по всей вѣроятности, бывшаго митрополичьимъ подворьемъ.

Памятниками святителя Петра въ Успенскомъ соборѣ являются: его нетлѣнные мощи, его митра изъ полосатаго атласа съ горностаевой опушкой, посохъ съ над-

писью: „Смиренный Петръ, митрополить всея Россіи“; онъ вручался его преемникамъ при ихъ поставленіи до послѣдняго патріарха включительно, и находящаяся въ иконостасѣ собора и писанная самимъ первосвятителемъ икона Успенія Богородицы. Она представляетъ образецъ русской иконописи XIV вѣка; кромѣ того, Москва обладаетъ и другими предметами, напоминающими этого митрополита всея Руси. Такъ въ патріаршей ризницѣ хранятся золотая панагія св. Петра и его саккосъ 1322 г.

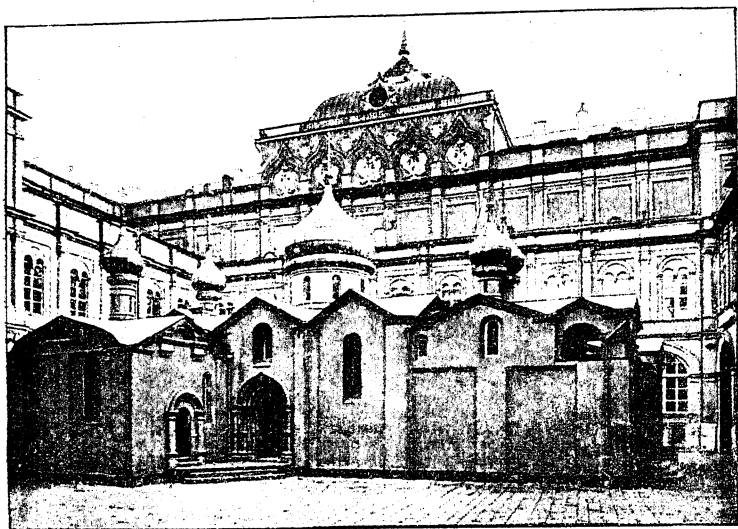
Въ древнемъ иконописномъ подлинникѣ наружность первосвятителѣ Петра изображается такъ: „подобіемъ старъ, сѣдъ, брада велика и широка, долиною мѣрна, на главѣ клобукъ бѣлой, риза святительская — саккосъ лазоревый крестечной, исподняя риза багряная, во омофорѣ и Евангеліе въ руцѣ“.

Въ этомъ іерархѣ мы не можемъ не видѣть одного изъ великихъ творцовъ государственнаго могущества и величія нашей Москвы.

Митрополитъ Θεогностъ окончательно утвердилъ каеедру всероссійскихъ первосвятителѣ въ Москвѣ, и вся Русь стала тянуть къ ней, какъ своему церковному средоточію. Уже это побуждало Іоанна Даниловича къ сильному храмоздательству.

Древнія преданія, кромѣ Успенскаго собора, освященнаго ростовскимъ епископомъ Прохоромъ, въ схимѣ Трифонѣ, 4-го августа 1327 года, опредѣлительно приписываютъ Іоанну Даниловичу построеніе слѣдующихъ каменныхъ храмовъ. На Боровицкомъ холму, на самомъ дворѣ княжескомъ, была деревянная церковь Спаса Преображенія. Калита, вмѣсто деревянной, выстроилъ (1330 г.) „чудную“ каменную, украсилъ ее иконами, сосудами, пеленами, снабдилъ книгами и всякими узорочьями и, будучи „мнихолубивъ“, перевелъ сюда иноковъ и архимандрію изъ отцовскаго Данилова монастыря. Въ Спасо-

Преображенскомъ монастырѣ стали хоронить, ранѣе Вознесенскаго монастыря, московскихъ княгинь. Въ 1333 году Іоаннъ построилъ въ честь своего и сына своего ангела тоже каменную церковь Іоанна Лѣстничника, что „подъ колоколы“, какъ выражается лѣтопись, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Иванъ Великій. На самомъ краю Боровицкаго холма, надъ спускомъ его къ Москвѣ-рѣкѣ, стояла деревянная церковь Михаила Архангела.



Спасъ на Бору.

Здѣсь Іоаннъ Даниловичъ, въ благодарность Богу за спасеніе Москвы, въ 1332 году, отъ голода, извѣстнаго подъ названіемъ „рослой ржи“, воздвигъ на ея мѣстѣ каменный соборъ, назначивъ ему служить усыпальницей для себя и своего потомства („Изъ Исторіи Москвы. Очерки съ 212 рисунками. М. 1896 г.“, стр. 19, 20, 21 и 22).

Іоаннъ Даниловичъ зимою 1339 года обнесъ кремникъ или кремль дубовыми стѣнами. Находимыя при раскопкахъ въ кремлѣ толстыя дубовыя деревья считаются ос-

татками этихъ стѣнъ кремля. Кромѣ всего этого, онъ прославился помощью нищимъ, любилъ бесѣды съ монахами и былъ очень набоженъ.

Москва, въ лицѣ Іоанна Даниловича, имѣла разумъ, понимавшій и современную дѣйствительность и прозиравшій будущее. Князья же тверскіе никакъ не могли понять истиннаго положенія дѣлъ и въ началѣ XIV вѣка думали, что уже настала пора бороться съ татарами. Въ 1327 году тверской князь Александръ Михайловичъ не вытерпѣлъ и со всѣмъ городомъ Тверью поднялся на татаръ и ихъ посла Чолхана или Щелкана, который былъ сожженъ вмѣстѣ со своими спутниками. Ханъ, по выраженію лѣтописи, рыкавшій, аки левъ, далъ Калитѣ весьма значительное войско для наказанія тверского князя. Но онъ выбѣжалъ во Псковъ. Такъ какъ это грозило Россіи новымъ страшнымъ разгромомъ, то митрополитъ Θεогностъ отлучилъ псковитянъ за укрывательство отъ церкви, а Александръ Михайловичъ бѣжалъ въ Литву. Но въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ явиться въ орду и своею смертію заплатить за бесплодное истребленіе татаръ. Тверь, въ знакъ своей зависимости отъ Москвы, должна была прислать сюда главный колоколъ своего Спасскаго собора.

Къ Новгороду Іоаннъ Калита относился такъ же, какъ Андрей Боголюбскій и Александръ Невскій. Онъ не склоненъ былъ сохранять всѣ вольности новгородскія; прибрѣталъ въ собственность, чего не дѣлали князья прежде, поселенія въ земляхъ этого „великаго господина“. сталъ облагать самъ подвластныя Новгороду земли данью, требовалъ отъ новгородцевъ закамскаго серебра, т. е. ихъ сибирскихъ доходовъ. Но новгородцы тоже, какъ тверичи, не понимавшіе требованій времени, вступали въ размирье съ могущественнымъ московскимъ княземъ и даже брали себѣ князей отъ руки литовскаго.—Но

Іоаннъ, стѣсняя къ нимъ подвозъ хлѣба, занимая ихъ при-  
города, насылая на нихъ войско, заставлялъ ихъ сми-  
ряться предъ собою, хотя еще и не уничтожалъ у нихъ  
вѣча.

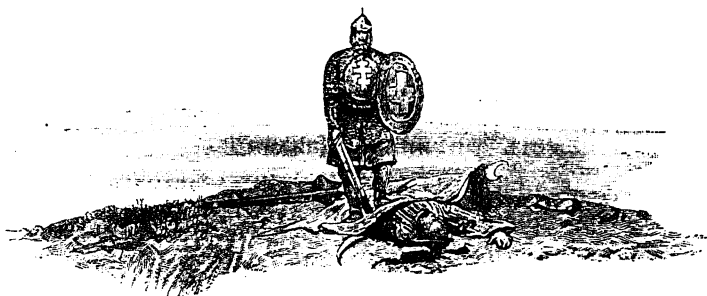
„Въ 1340 году, во едину отъ ношей, почивающу  
Іоанну на ложѣ своемъ, внезапно поторжесе цѣпь у двери  
ложницы его, и глаголѣ слышася: „се старецъ прииде“;  
не видя никого же глаголющаго, уразумѣ великій  
князь, яко сбытся ему прорѣченіе чудотворца Петра и  
скоро воставъ оставляетъ вся и въ монастырь отхо-  
дитъ Преображенія, въ немъ же и мнишескаго чина  
сподобися воспріяти и съ миромъ къ Богу отыде“. Онъ  
тоже принялъ схиму.

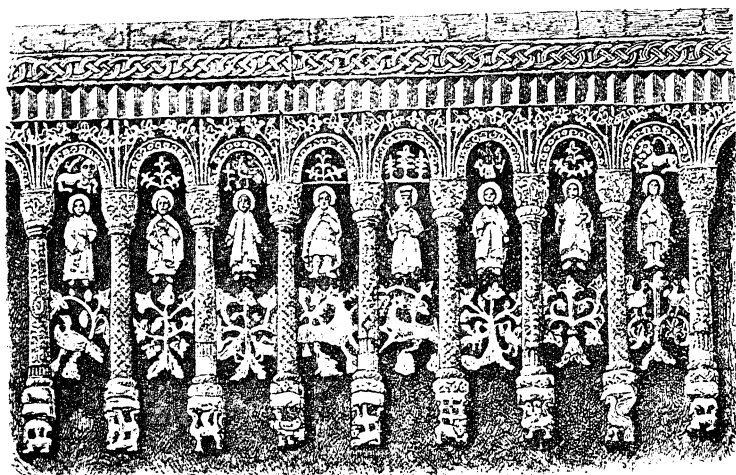
Іоаннъ Калита 31 марта 1340 г. былъ погребенъ въ  
Архангельскомъ соборѣ близъ южныхъ дверей западной  
стѣны. Когда будете въ этомъ соборѣ, отыщите его мо-  
гилу и поклонитесь этому великому русскому истори-  
ческому дѣятелю.

Духовныя завѣщанія Іоанна Калиты исчисляють намъ  
его казну или скарбъ, который свидѣтельствуешь о зна-  
чительныхъ его движимыхъ богатствахъ. Старшему сыну  
Симеону отецъ даетъ кожухъ жемчужный червлennyй,  
шапку золотую, 4 цѣпи золотыя, поясъ золотой фряж-  
скій, съ жемчугомъ и каменьемъ, еще поясъ золотъ съ  
крюкомъ на червчатомъ шолку, поясъ золотъ царевскій,  
двѣ чары золотыя, блюще золото съ жемчугомъ, блюдо  
серебряное, да два блюда малыя. Сыну Ивану отецъ  
даетъ кожухъ—желтая обьярь золотъ съ жемчугомъ, копь  
великій съ бармами (не шапка ли и бармы Мономаха?).  
Андрею — бугай соболій съ наплечки, великимъ жем-  
чугомъ и каменьемъ, scarлатное портище (кафтанъ)  
съ бармами. А что есть нынѣчи нарядилъ два ко-  
жуха съ аламы съ жемчугомъ, а то далъ есмь меньшимъ  
дѣтемъ своимъ Марьи и Ѳедосьи съ ожерельемъ.... А что

золото княгини моее Оленино, а то есть далъ дочери своей Фетиньи, 14 обручей (колець) и ожерелье матери ея, монисто, что есмь сковаль; а чепъ и гривну, то есмь далъ при себѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то далъ есмь княгинѣ съ меньшими дѣтьми. Серебряные пояса сыновья роздадутъ по попямямъ... Блюдо великое о 4 кольца дается святой Богородицѣ Владимірской.

Но важнѣе этого богатаго скарба было его государственное наслѣдство: само княжество московское и его всероссійскія государственныя преданія.





## V.

**М**ри Іоаннѣ Даниловичѣ, какъ вы помните, — „бысть тишина по всей Русской земли“, а при внукѣ его, Дмитріи Іоанновичѣ, была въ нашемъ отечествѣ буря грозы военной противъ Золотой орды. Но, несмотря на полную противоположность той тишины и этой бури, къ Москвѣ и ея великому князю, какъ средоточію національной жизни, тянуло Русь, русскій народъ: потому что и въ тишинѣ и въ бурѣ слышались могущество нашего отечества, тамъ еще зачинавшееся, здѣсь уже окрѣпшее.

Димитрій Іоанновичъ выросъ въ духѣ преданій московскихъ. Вы помните, что Симеонъ Гордый въ своей душевной грамотѣ совѣтовалъ своему брату Іоанну отдаляться лихихъ людей и слушаться владыки Алексія и старыхъ бояръ, „чтобы свѣща преданій не угасла“. Они имѣли важное значеніе и при Іоаннѣ II и въ малолѣтство сына его Димитрія.



Авторитетъ великаго святителя всея Руси Алексія въ это княженіе возростъ необычайно. Особенно способствовало этому слѣдующее событіе: въ это время жена хана Чанибека, по имени Тайдула, отъ болѣзни глазъ ослѣпла. Ханъ Золотой орды шлетъ со своимъ посломъ грамоту къ московскому князю, въ которой говоритъ: „слышали мы, что небо ни въ чемъ не отказываетъ по молитвамъ вашего главнаго священнослужителя Алексія: вышли его немедленно въ орду, да возвратитъ онъ свѣтъ очей женѣ моей Тайдулѣ“. Ужаснулся святитель отъ такого вызова, сказавъ: „свыше моей мѣры такое дѣло“.

а по отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ,  
приказалъ и ти за одинъ. такоже  
и азъ вамъ приказываю своей братии жити за одинъ. а лихихъ бы  
есте людей не слушали, слушали бы отца нашего владыки Олексѣя, такоже  
старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ; а пишу вамъ се слово  
того дѣла, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша и свѣча бы не  
угасла; а хто его грамоту иметъ рушити судитъ ему Богъ въ семь вѣдѣ и въ  
будущемъ.

Завѣщаніе Симеона Гордаго \*).

Но не идти въ орду къ грозному хану было невозможно; и вотъ онъ въ крѣпкой и горячей молитвѣ склонился въ Успенскомъ соборѣ предъ ракой первосвятителя Петра. „И се тогда, говоритъ лѣтопись, загорѣся свѣща сама собою у гроба чудотворца Петра. Митрополитъ же, отпѣвъ молебенъ со всѣмъ клиросомъ, свѣчу ту раздоби и раздастъ народу на благословеніе и того же дня поиде въ орду“. Радостно содрогнулись всѣ бывшіе здѣсь и поняли, что чудо совершится. И дѣйстви-

\*) А по отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ, такоже и азъ вамъ приказываю своей братии жити за одинъ. А лихихъ бы есте людей не слушали, слушали бы отца нашего владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ; а пишу вамъ се слово того дѣла, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша и свѣча бы не угасла; а хто его грамоту иметъ рушити судитъ ему Богъ въ семь вѣдѣ и въ будущемъ.

тельно, по молитвамъ владыки Алексія, возвратился свѣточей Тайдулѣ. Ханъ и его испѣленная жена осыпали милостями первосвятителя Русской церкви, бывшаго и первосовѣтникомъ князя: ему врученъ былъ перстень съ печатью, изображавшей дракона и дававшей ему власть и надъ татарами, подарено было богатое облаченіе и подворье ханскихъ пословъ въ Кремлѣ. Здѣсь-то святитель построилъ монастырь въ честь чуда архангела Михаила. Можете представить, съ какою радостью и благоговѣніемъ встрѣчали въ Москвѣ новаго чудотворца; въ числѣ встрѣчавшихъ его былъ его крестникъ Димитрій Іоанновичъ. Вы знаете, что, по волѣ св. Данила Александровича, крестнымъ отцомъ митрополита Алексія былъ Іоаннъ Даниловичъ. Его крестовый братъ Іоаннъ Іоанновичъ, когда у него родился сынъ Димитрій далъ ему въ крестные отцы этого митрополита Алексія. Его крестнику княжичу Димитрію въ то время было только 8 лѣтъ, но онъ своими отроческими устами со слезами на глазахъ такъ привѣтствовалъ своего крестнаго отца: „что ти воздадимъ, владыко, противу труду твоему, имже намъ мирное житіе даровалъ“.



Св. Алексій митрополитъ, по-  
стоянникъ Успенскаго собора.

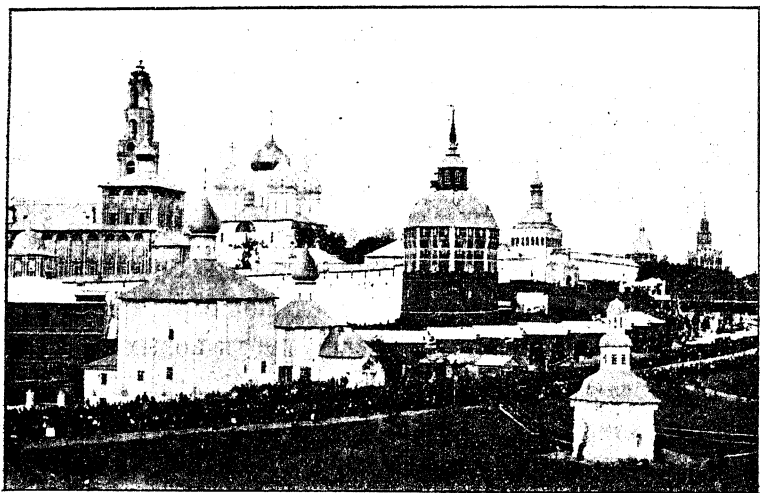
По смерти Іоанна II несовершеннолѣтнемъ сына его Димитрія захотѣли воспользоваться удѣльные князья — Суздаль, Тверь, Нижняго-Новгорода и Рязани и чуждые разумнѣя историческихъ потребностей своего времени

и національнаго блага всея Руси готовы были угасить свѣчу единойдержавія, уже ярко разгорѣвшуюся въ Москвѣ. Но этого не допустила мудрость святителя Алексія и ревность старыхъ московскихъ бояръ, дружно сплотившихся вокругъ государя — отрока Димитрія Іоанновича. Димитрій Константиновичъ Суздальскій купилъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе владимірское у одного хана. Но бояре выхлопотали такой же ярлыкъ у другого хана и московскому князю своему и, посадивъ на коня своего державнаго отрока, принудили суздальскаго князя подчиниться Москвѣ и жить съ нею въ дружбѣ и даже послѣ отдать свою дочь въ замужество за Димитрія. Когда братъ суздальскаго князя Борисъ отнялъ у него Нижній-Новгородъ, митрополитъ Алексій посылаетъ туда великаго подвижника и основателя Троицкаго монастыря преподобнаго Сергія, который, по волѣ первосвятителя, запираетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ храмы, прекращаетъ тамъ богослуженіе и заставляетъ князя нижегородскаго смириться предъ новымъ союзникомъ Москвы — княземъ суздальскимъ.

Въ чтеніяхъ по Русской Церковной Исторіи въ свое время вы подробно ознакомитесь съ житіемъ и подвигами этого главы иночества въ сѣверо-восточной Руси, подобнаго св. Антонію и Θεодосію, главамъ южно-русскаго иночества. Но я обязанъ здѣсь остановить ваше вниманіе на государственныхъ подвигахъ на благо Руси этого великаго патріота, наиболѣе характеристичнаго носителя идеаловъ Святой Руси.

Юный бояринъ ростовской земли, Сергій, покинулъ этотъ міръ для религіозныхъ подвиговъ и со своимъ братомъ Стефаномъ ушелъ въ такую глушь радонежскихъ лѣсовъ, что жизнь здѣсь среди дикихъ звѣрей — медвѣдей и волковъ, на пищѣ изъ жолудей и кореньевъ, устратила его глубоко-религіознаго брата Стефана, и

онъ ушелъ отсюда въ Москву въ Богоявленскій монастырь, гдѣ, какъ вы знаете, былъ игуменомъ и постригъ въ иночество крестника Калиты боярина Елевферія, впоследствии Алексія митрополита. Казалось бы, что такой подвижникъ, какъ преподобный Сергій, много сдѣлаеть только для своего личнаго религіозно-нравственнаго совершенствованія, но останется бесполезнымъ для своего народа, отъ котораго ушелъ, для своего отечества, отъ котораго отрекся, для своей земли, которую оставилъ



Сергіева Лавра.

для неба. Но это не такъ. Не вѣрьте, что исторія движется только матеріальными интересами, что она пишется либо экономическими интересами, либо кровью и жедѣзомъ. Нѣтъ, многое въ ней написано чистѣйшей преданностью высшимъ духовнымъ началамъ. И люди духа, воспаряющіе отъ земли въ высь небесную, порою приносятъ больше и практической пользы, чѣмъ тѣ, кто тонутъ въ гущѣ и подонкахъ матеріальной жизни. Великій иннокъ Сергій, полный любви къ Богу, съ большой чут-

костью любилъ отечество и служилъ ему. Достаточно сказать, что онъ склонилъ двоюроднаго брата, великаго князя Владиміра Андреевича, отречься отъ удѣльнаго порядка наследованія престола по старшинству, въ пользу наследованія по нисходящей линіи отъ отца къ сыну; онъ сдѣлался послѣ смерти святителя Алексія ближайшимъ совѣтникомъ своего государя, вдохновителемъ его на тяжкую борьбу съ Мамаемъ; онъ не постѣснился своихъ



Димитрій Донской.

схимонаховъ Пересвѣта и Ослябя послать на кровавую Куликовскую сѣчу; онъ сталъ кумомъ великаго князя, — крестнымъ отцомъ его сыновей, свидѣтелемъ его духовныхъ завѣщаній; на его рукахъ умеръ Димитрій Донской, и онъ исхудалыми перстами своими закрылъ его смежавшіяся очи. Вотъ великій образецъ святорусскаго подвижника, чутко отзывающагося на всѣ важные призывы своей матери—Россіи. Надѣюсь, это дѣлаетъ

понятнымъ для васъ его патріотическія дѣйствія въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Но возвратимся къ Дмитрію Іоанновичу. И тогдашній тверской князь Михаилъ Александровичъ не былъ на высотѣ задачъ своего времени. Онъ при помощи Литвы и орды несъ розно Русскую землю, мало думая о



Преподобный Сергій, съ иконы XV вѣка.

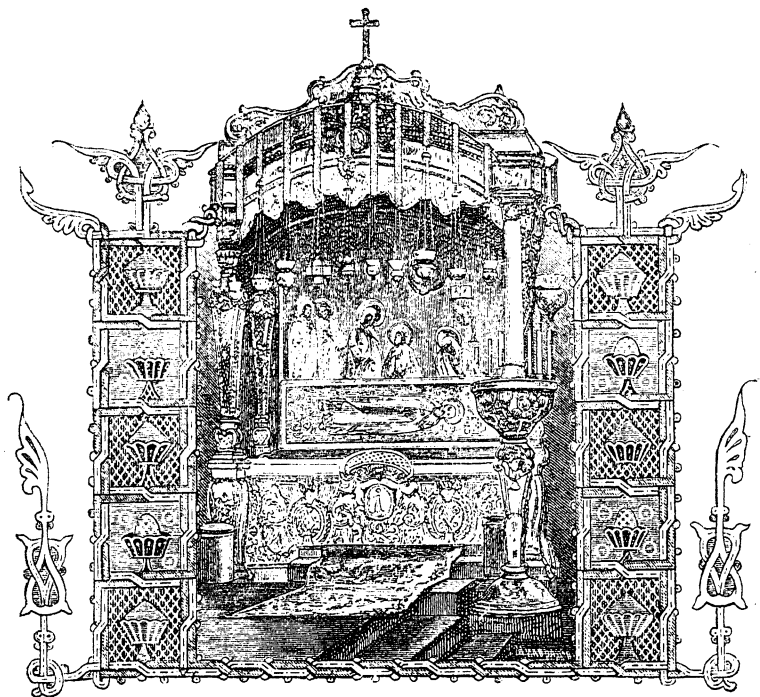
томъ, какимъ пѣтомъ и какою кровью стяжали ее отцы и дѣды.

Тверской князь боролся противъ возвышенія Москвы при помощи литовскаго князя Ольгерда, женатаго на его сестрѣ. Два раза Ольгердъ безуспѣшно подступалъ къ Кремлю, который Дмитрій вмѣсто дубовыхъ стѣнъ Калиты обнесъ каменными, съ каменными бойницами и баш-

нями, съ желѣзными воротами, и два раза вымещалъ свои неудачи страшными опустошеніями московскихъ окрестностей. Пользы однако отъ союза съ Литвой не оказалось, и Михаилъ поѣхалъ въ Орду, откуда возвратился съ ярлыкомъ на великое княженіе и съ ханскимъ посломъ Сарыхожей. И тутъ пользы не вышло. Дмитрій Іоанновичъ былъ уже такъ силенъ, что на зовъ ханскаго посла отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ: „къ ярлыку не ѣду, а въ землю на княженіе владимірское никого не пушу, а тебѣ послу путь чистъ“. Послѣ этого Дмитрій Іоанновичъ, съ благословенія владыки Алексія, самъ побывалъ въ Ордѣ, уладился съ ханомъ и выкупилъ за 10,000 руб. сына Михаила тверского, содержавшагося тамъ за долгъ ордынцамъ его отца. Ханъ послалъ сказать Михаилу, чтобы онъ не ждалъ отъ него помощи и оставилъ притязанія на великое княженіе владимірское. Непонимавшій исторической силы вещей, тверской князь въ третій разъ позвалъ Ольгерда на Москву. Но тотъ, разбитый у Любутска, заключилъ съ Москвою миръ. Еще разъ Михаилъ, при помощи московскихъ бояръ—смутчиковъ (Ивана Вельяминова, сына послѣдняго московскаго тысяцкаго и сурожанина купца Некомата), опять добылъ ярлыкъ на великокняженіе, но, осажденный въ самой Твери, заключилъ миръ съ московскимъ княземъ на всей его волѣ, призналъ себя его младшимъ братомъ и обязался подъ его стягомъ ходить на его враговъ, безъ ослушанія, даже, если Богъ велитъ, идти на орду“.

Но въ княженіе Дмитрія Іоанновича сталъ въ роковой необходимости вопросъ о борьбѣ съ самой Золотой ордой: ему пришлось на свою отвѣтственность рѣшать, достаточны ли скопленныя Москвой силы для этой борьбы? Не слѣдуетъ ли Россіи еще склонять голову предъ азіатской силой, какъ то было при Ярославѣ Всеволодо-

вичъ и Александръ Невскомъ до Іоанна Калиты включительно? Вы поймете, что если бы Золотая орда одолѣла Дмитрія Іоанновича, то Русь была бы тогда такъ же раздавлена, какъ было при Батыѣ, и погибли бы сразу всѣ тѣ силы, какія были скоплены искусной и настойчивой политикой великорусскихъ князей, въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ, цѣлаго вѣка.



Рака Преподобнаго Сергія.

Столкновенія съ татарами начались изъ-за нападенія на русскихъ одного изъ татарскихъ князьковъ Арапши, который, подъ вліяніемъ Мордвы, побилъ русскихъ на рѣкѣ Пьянѣ. Русскіе за это опустошили земли мордовскія. Въ отместку за это Мамай послалъ на Русь своего воеводу Бѣгича. Но Дмитрій Іоанновичъ уже не поколебался выступить со своими силами противъ татаръ



и нанесъ имъ сильное пораженіе въ рязанской землѣ, на рѣкѣ Вожѣ. Это была первая побѣда русскихъ надъ татарами. Въ страшную ярость пришелъ Мамай и рѣшилъ напомнить Руси ужасныя времена Батыевы. Особо опасно было то, что онъ вступилъ въ союзъ съ литовскимъ княземъ Ягелломъ и уговорилъ его соединиться съ татарами. Когда пришли вѣсти въ Москву о громадныхъ приготовленіяхъ Мамай, Димитрій Іоанновичъ поклонился у гроба чудотворца Петра въ Успенскомъ соборѣ и у гробовъ своихъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ и вызвалъ изъ Серпухова къ себѣ своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича. Тотъ подалъ совѣтъ, что „лучше подъ мечемъ за Христову вѣру и за государя умереть, чѣмъ въ рабствѣ вѣкъ вѣковать“. Рѣшено было готовиться къ борьбѣ, и великій князь сталъ сноситься по этому предмету съ дружественными Москвѣ князьями и совѣщаться съ преподобнымъ Сергіемъ; митрополита Алексія въ это время не было въ живыхъ, и его сталъ замѣнять радонежскій подвижникъ. Димитрій Іоанновичъ сдѣлалъ своимъ духовникомъ его племянника Θεодора, основавшаго со своимъ дядей налѣ Симоновъ монастырь. Много бесѣдоваль великій князь съ преподобнымъ Сергіемъ. Этотъ мудрый старецъ, удостовѣрившись, что Москва исчерпала предъ ордой все свое миролюбіе и даже предлагала ей дань, укрѣпилъ государя въ его рѣшимости начать борьбу съ Мамаемъ: прозорливый старецъ возбудилъ въ Дмитріи надежду на помощь Божию. „Просвѣти очи свои веселіемъ“, видя тяжелыя думы великаго князя, сказалъ преподобный Сергій. На Руси сѣверо-восточной во всѣхъ ея княжествахъ, за исключеніемъ тверского и рязанскаго (Олегъ рязанскій вступилъ въ измѣнническій союзъ съ Мамаемъ и Ягелломъ), закидѣли бранныя приготовленія. Сборнымъ пунктомъ для войскъ русскихъ Димитрій назначилъ Коломну, а Мамай—рѣку Воронежъ.

Призывъ великаго князя всея Руси на борьбу за освобожденіе отечества отъ азіатскаго ига будилъ всюду національное чувство. Напряженіе его возвышалось еще религіозными побужденіями; ибо предстоящая борьба была войною съ народомъ противохристіанскимъ,—магометанскимъ и привлекала благословеніе и преподобнаго Сергія и всей церкви православной. Подъ стягъ вели-



Пресв. Троица. Икона Андрея Рублева, XV вѣка.

каго князя стали со всѣхъ сторонъ сходиться, подъ начальствомъ удѣльныхъ князей, большія ополченія.

Въ самой Москвѣ около Успеньева дня 1380 года заканчивались военные приготовленія. Предъ самымъ выступленіемъ изъ Москвы Димитрій Іоанновичъ, въ сопровожденіи ближнихъ бояръ, отправляется въ Троицкую обитель, чтобы принять уже послѣднее благословеніе преподобнаго Сергія. Послѣ молитвъ и бесѣды великій игуменъ предложилъ великому князю и его спут-

никамъ монастырскую трапезу, гдѣ тотъ просилъ отпустить съ нимъ въ походъ двухъ схимниковъ — бояръ Пересвѣта и Ослябя. Напутствуя его благословеніемъ, св. Сергій сказалъ: „Богъ правды даруетъ тебѣ побѣду и сохранить тебя для вѣчной славы, и многимъ изъ твоихъ сподвижниковъ готовы вѣнцы мученическіе“. Отпуская изъ своей иноческой братіи названныхъ Пересвѣта и Ослябя, опытныхъ въ битвахъ, сохранившихъ еще свою физическую мощь, преподобный Сергій говорилъ: „вотъ мои оруженники, возьми ихъ съ собою“. Возлагая на головы Пересвѣта и Ослябя схимы съ нашитыми креста-



Деревянный дискосъ препод. Сергія.

ми, патриотъ сказалъ имъ: „носите, какъ племы, это оружіе нетлѣнное. Миръ вамъ, братія! Постраждите, какъ добрые воины Христовы. Приблизился часъ искупленія для васъ“. Всѣ стали прощаться. Св. Сергій всѣхъ благословилъ крестомъ и окропилъ святою водою великаго князя и пророчественно сказалъ: „Господь Богъ будетъ тебѣ помощникомъ и заступникомъ“. Онъ побѣдитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя... Проникнутый священнымъ одушевленіемъ, Димитрій, въ сопровожденіи новыхъ крестоносныхъ витязей и свиты, возвратился въ Москву.

20-го августа утреннее солнце освѣтило поразитель-

ную картину на нашей Красной площади. Здѣсь лицомъ къ новымъ бѣлокаменнымъ стѣнамъ Кремля длинными рядами стояли невышедшіе еще изъ Москвы собственные полки великаго князя, состоявшіе изъ московскихъ бояръ и дворянъ. Это былъ цвѣтъ боевой русской силы. Сіяя золотой и серебряной насѣчкой, ярко блестяи шлемы, панцири и кольчуги лучшихъ витязей Москвы. Въ срединѣ главнаго полка колебался черный стягъ великаго князя, на которомъ выдѣлялось изображеніе Спаса Нерукотвореннаго. Тутъ стояли на коняхъ, съ накинутыми поверхъ шлемовъ и кольчугъ схимами богатыри Сергіевы — Пересвѣтъ и Ослябя. При пѣннѣ: спаси, Господи, люди Твоя, ду-



Печать Димитрія Донскаго.

ховенство въ облаченіяхъ, съ крестами, иконами и хоругвями, обходило ряды христіанскаго, православнаго воинства и окропляло его святою водою. Въ Кремлѣ изъ собора въ соборъ въ доспѣхахъ боевыхъ, въ сопровожденіи князя Владиміра Андреевича и ближнихъ бояръ, переходилъ самъ Димитрій Ивановичъ. Въ глубокой молитвѣ склонился онъ въ домѣ Пречистыя у гроба чудотворца Петра. Въ Архангельскомъ соборѣ палъ на землю предъ отчимъ и дѣдовымъ гробами, прося и здѣсь молитвы и благословенія на страшный путь, на грозное дѣло. Вышедшихъ окружили великая княгиня Евдокія съ дѣтьми, супруга князя Владиміра съ боярынями. Трогательно было прощанье... Но Ди-

митрій, по свидѣтельству того времени, „не прослезился народа ради“. Затихла мертвой тишиной Красная площадь, когда вышелъ изъ Кремля чрезъ Спасскія ворота государь. Громко прозвучали предъ полками его слова: „приспѣло время, братцы мои милые, за землю Русскую и за святыя Божіи церкви себя не попадать“... „Прольемъ кровь за святую вѣру, сложимъ головы за тебя, княже“, откликнулось войско и стало разными улицами двигаться изъ Москвы на югъ. Долго великая княгиня съ дѣтьми смотрѣла изъ своего терема на Зарѣчье, на уходящую рать...

Подъ Коломною собралось еще невиданное на Руси 150-тысячное войско. Отсюда великій князь двинулъ его къ югу, къ Дону. Здѣсь 6 сентября происходилъ военный совѣтъ, переходить ли рѣку или ждать врага. Великій князь, чтобы не дать соединиться Ягеллу съ Мамаемъ, былъ того мнѣнія, что необходимо идти впередъ, а князья Ольгердовичи говорили, что это необходимо, чтобы всѣ знали, что нѣтъ отступленія, и что всѣ должны или побѣдить или лечь костью. Въ это время прискакалъ гонецъ отъ преподобнаго Сергія съ его письмомъ и благословеннымъ хлѣбомъ; святой молитвенникъ писалъ государю: „чтобы еси, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Пресвятая Богородица“. Димитрій далъ приказъ переходить Донъ, и войска стали вступать на обширное поле Куликово, развертывающееся при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донъ.

Громадныя полчища татаръ уже были видны на противоположной сторонѣ поля. На одной изъ высотъ раскинутъ былъ шатеръ самого Мамаю. Весь день великій князь провелъ среди войска, размѣщая его отдѣльныя части, указывая, гдѣ стоять сторожевому и большому полкамъ, гдѣ развернуться правому и лѣвому крыльямъ.

Было дѣломъ мудрой военной предусмотрительности—поставить значительный запасной отрядъ за лѣсъ въ засаду, подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и боярина Боброка-Волинскаго.

Глубоко отрадно было настроеніе войскъ русскихъ на рѣкѣ Непрядвѣ: оно не было сходно съ тѣмъ, которое полтора столѣтія тому назадъ господствовало на Калкѣ. Тамъ удѣльные князья и полки были полны розни и разлада, каждый думалъ о себѣ, какъ бы первому сорвать свою удалю и лихостью побѣду. Здѣсь царили единодушіе, дисциплина и общая мысль добыть свободу отъ позорнаго ига для единой Руси святой или лечь костями подъ стягомъ того государя, который боролся и за независимость Руси и за ея единство. Много было отдѣльных князей, но духъ ихъ былъ единый. Ратники одѣли чистыя рубашки, готовясь, какъ къ св. причастію, къ ожидаемому на утро смертному бою.

Заходящее солнце послѣдними лучами озарило рѣющія знамена, сверкнуло по стальнымъ племамъ и бронямъ, и таинственная ночь стала покрывать мѣсто грядущаго суда Божія.

Особыя сказанія того времени немного поднимаютъ покровъ этой ночи и даютъ намъ почувствовать, что ощущала душа святой, сомкнувшейся на національный подвигъ Руси.

На средину поля изъ русскаго стана выѣхали два витязя, — одинъ верховный вождь воинства всея Руси, другой—руководитель послѣдняго запаса ихъ—великій князь Димитрій Іоанновичъ и бояринъ Боброкъ-Волинскій. Послѣдній, искусный въ распознаваніи примѣтъ грядущаго, предложилъ великому князю вслушаться въ то, что несло изъ вражьяго лагеря и изъ родного стана. „Слышу, съ татарской стороны, сказалъ онъ, словно торжище начинается, шумъ и трубный звукъ; а

дальше воютъ волки, граютъ вороны, и клекотъ орлиный несется; а на Непрядвѣ гуси и лебеди плещутся крыльями, какъ предъ грозою. На нашей сторонѣ тишина великая и отъ множества огней, какъ будто заря занимается“. „Это доброе знаменіе для тебя, господине княже“, сказалъ Боброкъ. „Но есть у меня еще одна примѣта“. Онъ припалъ на землю ухомъ и сталъ слушать и, поднявшись на ноги, долго не хотѣлъ сказать, что слышалось ему, и только послѣ настойчивыхъ просьбъ князя повѣдалъ: „слышалъ я, какъ земля



Чудовъ монастырь.

горько плакала: на одной сторонѣ казалось, будто плачетъ мать о дѣтяхъ и причитаетъ по-татарски; а на другой сторонѣ (нашей) плачетъ дѣвица тонкимъ свирѣлымъ голосомъ. Много битвъ я перебылъ и много примѣтъ испыталъ и знаю ихъ. Уповай на милость Божию и помощь сродниковъ твоихъ Бориса и Глѣба,—ты одолѣешь; но твоего христіанскаго воинства падетъ подъ остріемъ меча многое множество“. Наступившая ночь была полна и видѣній: одинъ изъ воиновъ видѣлъ на небѣ, какъ два свѣтлыхъ юноши, схожіе съ св. Борисомъ.

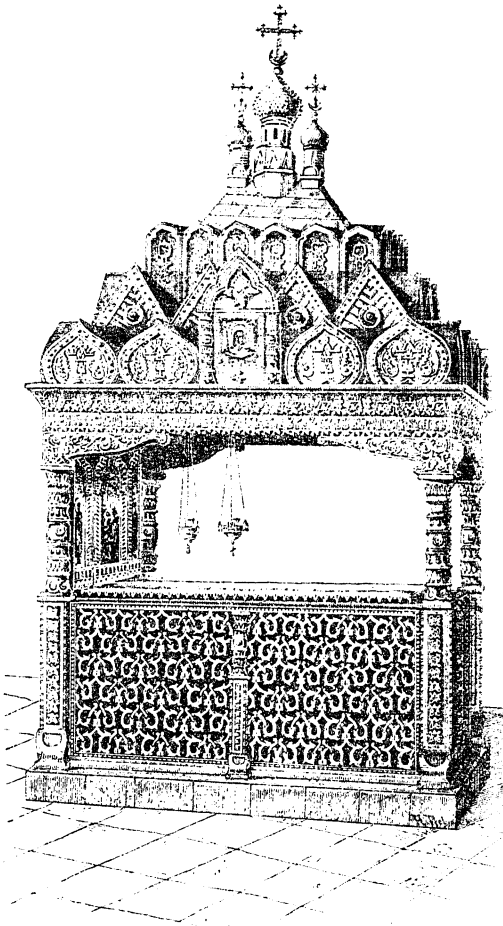
и Глѣбомъ, рубили несмѣтныя агарянскія полчища съ кликомъ: „кто вамъ велѣлъ губить наше отечество?“ Во Владиміръ на Клязьмѣ, въ храмѣ Рождества Богородицы, гдѣ почивали мощи благовѣрнаго Александра Невскаго, благочестивый инокъ видѣлъ, какъ у его раки сами собою загорѣлись свѣчи, какъ подошли двое свѣтоносныхъ старцевъ (св. Петръ и Алексій) и сказали: „возстани, Александре, ускори на помощь сроднику своему великому князю Димитрію Іоанновичу, одолѣваемому врагами“. На зовъ старцевъ всталъ, какъ живой, изъ своей гробницы святой герой Невы и Ледового побоища.

Утромъ 8 сентября все Куликово поле было закрыто глубокимъ туманомъ, начавшимъ рѣдѣть только въ 9 часовъ. Поле дрожало отъ передвигавшихся полумилліонныхъ массъ. Уже звучали трубы. Великій князь, помолвившись предъ чернымъ стягомъ своимъ, на которомъ выдѣлялось свѣтлое изображеніе Спаса Нерукотвореннаго, объѣзжалъ войска, ободряя ихъ на предстоящій подвигъ и отдавая послѣднія распоряженія. Онъ самъ рѣшился стать въ первый рядъ бойцовъ, оставивъ сзади у своего знамени боярина Бренко и накинувъ на него свой княжескій плащъ. Около полудня туманъ исчезъ, и солнце яркими лучами залило поле. Силы боевыя уже сходились другъ противъ друга. Съ татарской стороны, съ дерзкими вызовами на единоборство, выѣхалъ огромнаго роста богатырь. Изъ русскихъ рядовъ отдѣлился всадникъ: то былъ Александръ Пересвѣтъ, его узнали по развѣвавшейся сверхъ шлема схимѣ. Онъ наскоро говорилъ русскимъ: „отцы и братья, простите меня грѣшнаго“ и съ словами: „преподобне отче Сергіе, помоги мнѣ своей молитвой“, съ опущеннымъ копьемъ понесся на врага. Оба богатыря спшиблись въ страшномъ ударѣ и пали мертвые, обagrивъ первые землю своею кровью.

Страшной грозой, на десятиверстномъ пространствѣ, за-



шумѣла битва громомъ оружія, отъ топота коней, отъ кликовъ сражающихся и стона раненыхъ; кровь полилась потоками, окрасивъ траву и воду въ рѣчкахъ.



Гробница Пересвѣта и Осипа въ Старомъ Сизикѣ.

Тѣла русскихъ и татаръ быстро образовывали цѣлыя горы, на которыя приходилось взбираться всадникамъ. Войны задыхались отъ тѣсноты скучивавшихся массъ. Димитрій Іоанновичъ, смѣняя одного коня за другимъ, забрызганный кровью, съ изсѣченными доспѣхами, бился съ львиною храбростью.

Но четырехсотъ-тысячная сила Мамаева уже стала одолѣвать русскихъ. Вся пѣшая рать наша была скошена, какъ трава, много князей и бояръ полегли костью; самъ великій князь былъ раненъ. Мало оставалось уцѣлѣвшихъ русскихъ полковъ. Уже слышны были побѣдные клики враговъ.

Видя это, находившіеся въ лѣсу въ засадѣ русскіе полки рвались въ бой, но были удержаны здѣсь до критической минуты Боброкомъ. Только чрезъ три часа послѣ начала битвы умный воевода воскликнулъ: „братья и други, дерзайте, настало время благое! Съ нами Богъ!“

Какъ орлы налетѣли русскіе полки на утомившихся татаръ. „Перехитрила насъ Русь, подумали татары. Худшіе бились съ нами, а лучшіе сохранились“. Страхъ объялъ враговъ, и они бросились въ бѣгство. Мамай, видя пораженіе, воскликнулъ: „великъ Богъ христіанскій, и сталъ спасаться бѣгствомъ“.

Князь Владиміръ Андреевичъ велѣлъ затрубить сборъ разсыпавшимся русскимъ. Среди сходящихся не было только видно верховнаго вождя русскихъ силъ—великаго князя. Видѣвшіе его въ разгаръ сѣчи, отбивавшимся отъ татаръ, думали, что онъ убитъ, какъ нашли его лежащимъ подъ срубленнымъ деревомъ, въ изсѣченныхъ доспѣхахъ, залитыхъ кровью. Наклонившись надъ нимъ, князь Владиміръ сказалъ: „братъ мой милый! Ты древній Ярославъ, ты новый Александръ!“ Но раненый Димитрій не слышалъ этихъ словъ и не вдругъ пришелъ въ сознаніе.... Возблагодаривъ Бога за великую побѣду, помянувъ добрымъ словомъ и церковной молитвой за вѣру и отечество животъ свой положившихъ, великій князь поникъ головой, когда узналъ, что у него изъ 150000 войска осталось только 40000.

Но кровью сотенъ тысячъ убитыхъ воиновъ, русскихъ

и татарскихъ, было подписано освобожденіе Руси отъ монгольскаго ига, хотя оно пало окончательно только сто лѣтъ спустя. Но здѣсь же у Дона благословеніемъ побѣды оправдана была политика московскихъ князей, собирателей Руси, единодержавіе и сильная власть государя всея Руси. Здѣсь московскій князь оправдалъ себя властвовать на Руси въ качествѣ ея національнаго повелителя.

Еще разъ при самомъ Дмитріи и два раза при его сынѣ Василии I Азія насылала на Россію огромныя полчища подъ начальствомъ страшныхъ завоевателей Тохтамыша.

† Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ грѣшный худой рабъ Божій  
Дмитрій Ивановичъ пишу грамоту душевную цѣлымъ своимъ умомъ. Даю рядъ  
сыномъ своимъ и своей княгинѣ; а вы дѣти мои живите за одинъ, а матери  
своее слушайте во всемъ; а приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ  
князю Василью, князю Юрью, князю Петру, а братъ мой Володимѣръ вѣдаетъ  
свою треть, чѣмъ благословилъ отецъ его.

Завѣщаніе Дмитрія Донскаго \*).

Эдигея и Тамерлана. Изъ нихъ первый овладѣлъ даже самою Москвою и сжегъ ее. Самый грозный Тамерланъ дошелъ лишь до предѣловъ Московскаго государства,—до рѣки Оки, но, уstraшенный видѣніемъ, поворотилъ назадъ. Этотъ ужасный завоеватель, прозванный „жельзнымъ хромцомъ“, былъ равенъ Атиллѣ и Чингисъ-хану: онъ покорилъ всю Азію, отмѣчая свои походы пирамидами, сложенными изъ черешовъ; нанесъ страшное пораженіе турецкому султану Баязету, взялъ его въ плѣнъ и возилъ его съ собою въ жельзной клѣткѣ. Такой-то

\*) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ грѣшный худой рабъ Божій Дмитрій Ивановичъ пишу грамоту душевную цѣлымъ своимъ умомъ. Даю рядъ сыномъ своимъ и своей княгинѣ; а вы дѣти мои живите за одинъ, а матери своее слушайте во всемъ; а приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ князю Василью, князю Юрью, князю Петру, а братъ мой Володимѣръ вѣдаетъ свою треть, чѣмъ благословилъ отецъ его.

завоеватель съ огромными полчищами двинулся на Россію. Ужасъ охватилъ у насъ всѣхъ, потому что не было средствъ въ это время выставить не только равносильное войско, но и даже сколько-нибудь достаточное. Тогда всѣ, начиная съ великаго князя, возложили упованіе на

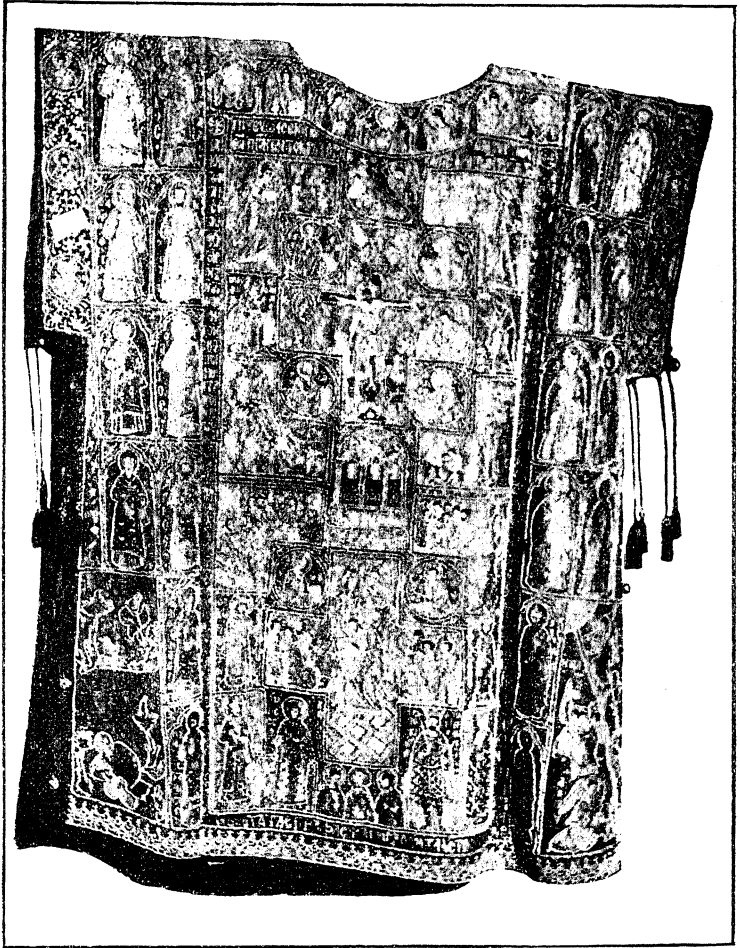


Владимірская икона.

помощь небесную: послали во Владиміръ — перенести оттуда чудотворную икону Владимірской Божіей Матери.

Москва съ крѣпкой надеждой вышла въ срѣтеніе Небесной Заступницѣ на Кучково поле, гдѣ послѣ въ память этого построень былъ нашъ Срѣтенскій монастырь,

и въ ночь на этотъ достопамятный день Тамерланъ, стоявшій близъ Ельца, увидалъ сонъ: на небѣ явилась, окруженная легіонами ангеловъ, свѣтозарная жена въ



Саккосъ митрополита Фотія.

багряныхъ одеждахъ и гнѣвно грозила ему, а съ высокой горы, возвышавшейся подъ сводомъ небеснымъ, шли старцы—святители, тоже грозившіе ему своими зо-

лотыми посохами. Невѣдавшій дотолѣ преградъ, грозный завоеватель поворотилъ назадъ отъ русскихъ предѣловъ. Перенесеніе этой чудотворной иконы Андреємъ Боголюбскимъ изъ кіевской земли сопровождалось, какъ вы знаете, упадкомъ Кіева и возвышеніемъ вмѣсто него Вла-



Василій Дмитріевичъ.

Софія Витовтовна.

дира, перенесеніе же ея отсюда въ Москву повело къ окончательному упадку столицы Руси на Клязьмѣ и къ еще большему возвышенію Москвы Всероссійской.

Я очень озабоченъ пробудить въ васъ охоту къ ознакомленію съ святынями и памятниками Москвы, къ изученію ея вещественной лѣтописи: въ этомъ интересѣ представляю вамъ первые на Руси портреты великаго

князя Васи́лія Дми́тріевича и его супруги великой княгини Со́фьи Витовтовны, дочери знаменитаго литовскаго князя, побѣдителя Эдигея на рѣкѣ Ворсклѣ. Портреты вышиты на дивномъ саккосѣ тогдашняго митрополита Фотія, хранящемся въ нашей патріаршей ризницѣ.

Это облаченіе покрыто съ обѣихъ сторонъ вышитыми по голубому атласу золотомъ, серебромъ и шелкомъ изображеніями святыхъ и праздниковъ; но, что особенно для насъ любопытно,—на передней сторонѣ саккоса, внизу его, изображены направо отъ зрителя: московскій великій князь и его супруга, а налѣво—греческій импе-



Печать св. Алексія митрополита.

раторъ Іоаннъ Палеологъ и его супруга императрица Анна, дочь Васи́лія I и Со́фьи (раньше этого брака Васи́лій I посылалъ его отцу, тѣснимому турками, большіе дары, состоявшіе изъ серебра); рядомъ съ византійскимъ императоромъ изображенъ и самъ митрополитъ Фотій. Два послѣднія лица обозначены греческими надписями, а наши великіе князь и княгиня—славянскими. Васи́лій I на этомъ портретѣ имѣетъ симпатичное лицо, съ черными усами и умѣренной бородою. На немъ подпоясанный кафтанъ краснаго цвѣта съ клѣтками и узкія зеленыя шаровары, запрятанныя въ сапоги изъ краснаго сафьяна, въ трехъ мѣстахъ перехваченные застежками; сверху накинута плащъ, или „приво́лока“, зеленаго цвѣта, съ золотыми разводами, на синей подкладкѣ.

На правой рукѣ золотое запястье; этою рукою онъ держитъ скипетръ, унизанный жемчугомъ. На головѣ великаго князя сквозной золотой вѣнецъ, съ крестами вверху и съ красной бархатной тульей. На великой княгинѣ Софьѣ родъ сарафана изъ серебряной парчи, съ красными клѣтками; сарафанъ украшенъ золотымъ ожерельемъ и поясомъ. Сверхъ сарафана шубка, или длинный плащъ золотой, съ серебряными кругами и синими и красными крестами. На княгинѣ вѣнецъ почти такой же формы, какъ на ея супругѣ. Это изображеніе весьма важно не только въ иконографическомъ отношеніи, но и для исторіи московскихъ одеждъ. Императоръ Іоаннъ Палеологъ и его супруга изображены въ византійскомъ царскомъ облаченіи, съ вѣнцомъ святости вокругъ головы. Митрополитъ Фотій представленъ въ золотомъ саккосѣ, съ крестами въ красныхъ кругахъ; сверхъ саккоса—омофоръ серебряный, съ золотыми крестами. Голова Фотія не покрыта, видны густые черные волосы и окладистая борода.

Такимъ прекраснымъ облаченіемъ всероссійскаго митрополита любовалась московская Русь въ первой четверти XV вѣка, еще до вызова западно - европейскихъ мастеровъ при Іоаннѣ III.

Вообще Москва въ это время начинаетъ развивать свою образованность, что проявлялось уже въ успѣхахъ ея письменности, въ иконописи, въ золотошвейномъ искусствѣ, въ серебряныхъ и золотыхъ издѣліяхъ и проч., хотя она не дошла еще до того уровня, на которомъ стояла владиміро-суздальская образованность въ примѣчательную эпоху Андрея Боголюбскаго и Всеволода III.

---



## О Г Л А В Л Е Н І Е.

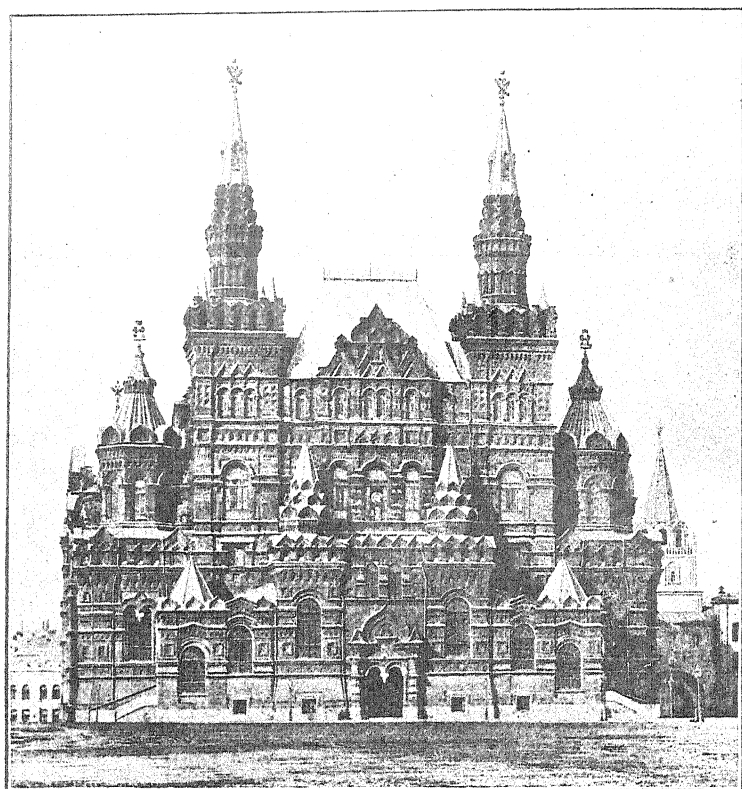
	<i>Стр.</i>
I. Чингисъ-ханъ и его владычество въ Азіи.—Первое появленіе монголовъ въ Россіи и битва на Калкѣ.—Нашествіе Батя.—Разгромъ Рязани и Владимірскаго княжества и битва на Сити.—Разрушеніе Кіева и походъ на Червонную Русь, Польшу и Чехію.—Золотая Орда и ея владычество надъ Русью.....	3
II. Св. Александръ Ярославичъ Невскій. — Борьба его со шведами, нѣмецкими рыцарями и Литвою и его побѣды на Невѣ и на льду Чудского озера.—Отношеніе его къ Золотой Ордѣ, кончина и значеніе его государственныхъ преданій для московскихъ князей—собирателей Руси и для царской и императорской Россіи .....	16
III. Основаніе Московскаго княжества и родонаачальникъ его князей св. Даниилъ Александровичъ; его политика и его памятники въ исторіи Москвы, какъ города. — Сынъ его Юрій Даниловичъ, его отношеніе къ Золотой Ордѣ, борьба съ тверскимъ княземъ, пріобрѣтеніе велико-княжескаго достоинства и смерть.....	28
IV. Іоаннъ Даниловичъ Калита. Характеристика его личности и дальновидной политики. — Отношенія его къ Золотой Ордѣ и удѣльнымъ княжествамъ.—Митрополиты св. Петръ и Феогностъ и перенесеніе церковной столицы въ Москву.—Храмоздательство Іоанна: Успенскій и Архангельскій соборы, Спасъ на Бору и Иванъ „подъ колокола“.....	36
V. Св. митрополитъ Алексій и его государственное значеніе при Іоаннѣ II и въ малолѣтство Дмитрія Іоанновича, вещественные его памятники въ исторіи Москвы.—Борьба Дмитрія Іоанновича съ татарами и Куликовская битва, ея значеніе.—Тамерланъ и его нашествіе.....	50

---

40 рисунковъ, 4 заставки, 2 снимка съ древнихъ рукописей и 1 карта.

---

III. 16225.



ИМПЕРАТОРСКІЙ Историческій музей.

Цѣна 50 коп.